

Перевал Дятлова

РЕКВИЕМ

2015 г.

Реквием: перевал Дятлова

Это - фрагмент темной приполярной метафизики, дыхание бессознательного, область, не подлежащая дешифровке.

Когда свершается преступление, происходит событие, которые не поддаются объяснению никем, от таких событий и мест начнешь если не убежать, то хотя бы побаваться.

«Перевал Дятлова» - это лента Мёбиуса, потому что непонятно, откуда всё берется и куда потом исчезает. Это крик, чистая жуть, причем чем больше об этом думаешь, тем жутче становится.

Обнаружив себя среди участников эпизода, начинаешь строить догадки, а отсюда - один шаг до паранойи.

Этот образ до сих пор остается одним из самых притягательных в постсоветском фольклоре: выброшенные неведомой силой из палатки, девять полураздетых человек бегут вниз по снежной лощине, падая на камнях и теряя друг друга в круговерти метели.

После судьбоносного похода в январе 1959 года они стали настоящими героями, неизменными персонажами одной из величайшей загадок в советской истории. Погибшая экспедиция до сих пор не дает покоя ни историкам, ни писателям.

Посвящение

Молча стоим мы тесной кучкой на пяточке обледенелого склона. Нас девять. Нет, не девять – мы все здесь, живые и мертвые. Нас сотни тысячи – людей, избравших право быть первыми. И если судьба шепчет нам чуть слышно: «Ваш черед!» - у нас нет выбора.

А пока мы все здесь.

С нами замерзшие в считанные часы на пронизывающем ветру Юра Дорошенко и Георгий Кривонищенко, рухнувший на камни тяжелой черной звездой Коля Тибо-Бриньоль, погребенные и смятые под водянистым снегом Люда Дубинина и Семен Золотарев, уснувший в ледяной могиле Саша Колеватов, сгоревший в отчаянном одиночестве Юра Юдин.

В кругу живых вижу застенчивую улыбку Зины Колмогоровой. Кто знает, как она, щуплая девчонка, тащила на себе по грудь в снегу двух тяжелых беспамятных парней? Кто видел эту страшную двойную колею, алый бисер крови по колее и в конце её попеременно теряющих сознание Игоря Дятлова и Рустема Слободина, тянущих друг друга в минуты просветления вверх и вверх, подальше от холодного перезвона мертвого ручья.

Prologus

Мы его видим – вырастающий на тонкой ножке прямо из снега на склоне грибообразный столб. Очень смахивает на ядерный взрыв. Верхняя часть этой чудовищной воронки размыта ветром и смазана полосами снегопада. В 20 метрах с наветренной стороны полощется маленькая палатка. Пристраиваемся неподалеку и ложимся в снег ничком. Через 5 – 10 секунд какая-то неведомая сила выбрасывает всех наверх.

К гулу бьющего над головой столба снега и ветра уже притерпелись. Как в замедленной съемке я видел эту вздымающуюся тёмную стену, в которой черной кляксой мелькнула и пропала шапочка Рустема. Группа цепью уходила вниз по склону. Вокруг снарядами взрывами поднимались застывшие лавовые буруны. Рев прорыва давил на уши, перехватывал грудь.

Кого-то резко бросило грудью вперед, и он припал к земле, будто тряпичный. Очертя голову мы уходим по каменным грядам, в открытое лицо хлещет и разлетается сухой снежный град. Уходим, уходим, пятась, все дальше от запавшего солнца, сбивая ладони и лица, опрокидываясь на склоне.

Стоя спиной к узкому крутому распадку, верхняя часть которого теряется в снежном цирке, я пропускаю мимо себя тяжело бредущую вереницу товарищей. Слабый выдох ветра ударяет легким кулаком в лицо. В овраге нарастает шипящий гул лавины, спрессованный воздух раздирает легкие.

В последнее мгновение, когда изжеванное тело тонет в белом киселе, а слабеющее сознание ищет мучительный путь в узком колодце без дна к берегам той реки, от которой нет возврата, в яркой вспышке я вижу самого себя...

«Всё равно б я любил!..»

В Свердловске последний день сборов был 23 января, и проходил в лихорадочной суматохе.

- Где мои пимы?
- В трамвае на мандолине играть будем?
- Конечно!
- Соль забыли!
- Где Дорошенко, почему не забирает 20 пачек?
- Дайте 15 копеек позвонить!
- Безмен, безмен где?
- Не влазит, у черт!

- Ножик у кого?..

Каждый занят своим делом, завхоз Дубинина Люда считает деньги, крупные деньги. Незадолго до выхода в тесной комнате общежития собираются провожающие. И, хотя времени в обрез, все вовремя успевают приехать на станцию. В вагоне до трех ночи распевали песни, среди которых много новых. С нами Семен Алексеевич Золотарев, инструктор Коуровской турбазы, бывший фронтовик. Лицо у Семена широкое и скуластое, а глаза азиатские, с прищуром, хитрое веселье глубоко в них затаилось, никакими слезами, никаким горем не выправишь. Усы как у франта, когда смеется или поет, во рту сверкают металлические фиксы. От старых фронтовых привычек остались лишь чиненные шилом ботинки, да солдатские обмотки на ногах. Поначалу Семена чурались, все-таки человек он новый, но вот он запел баритоном, прихлопывая тяжелой ладонью по колену:

Шла коза в лес за питанием,
Занималась воспитанием:
- Эй, козлята, осторожней, рядом волк.
Волк! Цумба, цумба, цумба, цумба!
Только двери закрываются -
В доме танцы начинаются,
А козлята понимают в танцах толк.

Стучат копыта, стучат копыта,
Козлятам юным неведом страх,
А дверь открыта, а дверь открыта -
И волк в дверях!
Ах! Цумба, цумба, цумба, цумба!

А козлята развлекаются!
Смотрит волк и удивляется.
Волк - бедняга широко разинул пасть,
Пасть! Цумба, цумба, цумба, цумба!
Только что же получается -
В ритме танца волк вращается,
Волку странно: это что же за напасть?

Волчишка серый, ты просто серый
И в наших танцах ни бе, ни ме,

Танцуй быстрее, и мы сумеем помочь тебе.
Бе-е-е! Цумба, цумба, цумба, цумба!

И с тех пор такое водится:
За козой лишь дверь закроется,
Волк приходит. Он козлятам очень рад.
Рад! Цумба, цумба, цумба, цумба!
Молочко он пьет из вазочки.
Вот вам факты, а не сказочки.
Подружились волк и семеро козлят.

Семен так забавно изобразил сердитого волка, который подружился с наивными и веселыми козлятами, что все рассмеялись. Рустик Слободин сходу подхватил мелодию, он очень хорошо играет на мандолине. А за окном вставала заснеженная уральская тайга.

Приехали в Серов рано, в семь утра. Обосновались до вечера в помещении начальной школы. Очень тепло нас встретила местный завхоз, согрела воды, девочкам дала разные принадлежности для шитья. Отблагодарили тем, что в перерыве между сменами организовали встречу с учениками, рассказывали о походах, о снаряжении. Потом они все провожали нас на поезд, даже расплакались, не хотели отпускать. В тот же день, около полуночи, были уже в Ивделе, а утром выехали первым автобусом в Вижай.

Ехали с группой Блинова, нас вместе двадцать человек, получилось до потолка. Нижние сидели на сиденьях, на куче лыж, на рюкзаках. Пассажиры второго этажа сидели на спинках сидений, находя места для ног на плечах товарищей. Колька Тибо - так упирался всем своим телом в потолок. Тесно было не настолько, однако, чтоб не петь, что и делалось почти всю дорогу до Вижая.

Женя Сеницын с Зиной пели:

Если б были глаза твои не такие синие,
А над ними бровей не такие линии,
Всё равно б я любил без конца и края!
А за что, а за что? — Я и сам не знаю.

Если б губы твои не были б медовыми,
Не стекали б с ресниц огоньки бедовые,
Всё равно б я любил без конца и края,
А за что, а за что? — Я и сам не знаю.

Если б нежный твой взгляд так не грел бы ласкою,
Все равно б для меня ты б казалась сказкою!
Этой сказкой твоей я живу и мечтаю!
А зачем, а зачем? — Я и сам не знаю.

Эта последняя, эта песня уже совсем светло легла на душу. Вообще, многое, даже и в этот день, было пронзительным и грустным в то же время. В дороге много говорили о любви и о поцелуях, о счастье, о дружбе, и прочем, и прочем... Спорили, каждый хотел перекричать другого. Но превзошел всех Саша Колеватов, хотя казалось, будто говорит с чужих слов.

Он сказал, что трагедия всех юных нежных созданий в том, что два малолетних идиота на собственном примере показывают нам неприглядную сторону отношений между взрослыми мужчинами и женщинами. Все эти «пока смерть не разлучит нас, без тебя мне жизни нет» и прочие безумства, вплоть до «не надену твои рукавицы». Реализуется же этот романтизм зачастую буквально: дети берут да и помирают от не пойми чего, но в строгом соответствии с заложенными дурацкими установками. Вот ехида уж, да ехида.

Доехав до развилки, автобус пошел по прямой в деревню Шипичное и должен был вернуться за нами через час, а нам было предложено выйти прогуляться. Четверка наиболее шустрых ушла далеко вперед и зашла посмотреть электростанцию в поселке Талица. Вдруг возглас: "Автобус!" Кинулись в двери, но, увы, поздно. Автобус прошел мимо, и мы вынуждены были бежать за ним во всю прыть, лелея надежду, что судьба милостива и, быть может, мы догоним его. Однако первая же сотня метров наглядно доказала преимущества пятидесятилетнего двигателя. Наши пятки мелькали далеко позади автобуса, а разрыв все более увеличивался. Перспектива шагать тридцать км. по шоссе без завтрака и обеда уже представлялась вполне реальной, как вдруг... Я же упоминал, что судьба милостива. Милость ее выразилась в том, что какая-то девушка, пожелавшая ехать в Вижай, остановила объект нашего преследования. Через минуту мы уже благополучно сидели в автобусе на втором этаже сидений.

В Вижай приехали часа в два. Блиновцы собираются ехать дальше на 41-ый лесоучасток, а потом держат путь на запад, к Молебному камню и горе Ишерим. Мы же остаемся наверняка ночевать. Проводили блиновцев со слезами. Настроение испорчено. На прощание Люда с Зиной опять спели Синицыну: "Если б были глаза твои не такие синие..." В общем, было очень и очень тяжело.

Вечером сходили в кино, оставив домовничать в вижайской гостинице Дорошенко и Колеватова. Смотрели "Золотую симфонию". Юрка Кривонищенко все стонал и причмокивал губами от восторга. Вот это маленькое счастье, которое так трудно выразить словами. Какая изумительная музыка! Настроение после картины стало значительно лучше. Игорь Дятлов стал просто неузнаваем, пытался танцевать, припевая: "О Джеки, Джим".

Вообще, дальше нам надо было бы на Северный 2-й, но дело уже шло к вечеру, и мы решили остановиться на лесостроительном участке у вольнонаемных рабочих. Приехали в поселок на машине без тормозов, сломанные рессоры и прочее. Только в тайге можно на любых машинах ездить. Встретили нас очень гостеприимно, разместили в отдельной комнате в бараке.

Лесоучасток в полутора сотнях от северного городка Ивдель. Нет радио, нет газет. Рабочие - самые разные, кто после армии приехал на заработки, кто остался здесь после освобождения из лагеря. Живут в вагончиках, на казарменном положении. Долго не задерживаются – увольняются. Есть широко эрудированные, и даже встретившись с ними в городе, никогда б не подумали, что это человек, который все свое время проводит в тайге. Зато как поют! Тихо, от души. Песни старые, которые мы забыли и никогда не поем. Это так хорошо! Почему мы не поем таких хороших, уже забытых песен.

Погода нам улыбается, ветер должен был дуть в спину по пути. Ребята договорились, что до 2-го Северного доведет рюкзаки лошадь, до него 24 км. Мы помогли дедушке Славе разгрузить воз сена и стали ждать лошадь - она ушла за сеном, дровами.

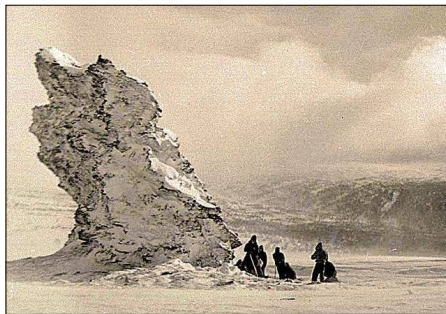
рюкзаков!

Поздно ночью, в сплошной темноте нашли поселок, и только по проруби догадались, где пригодная для жилья изба. Загорел костер из досок. Задыхала печь. А после ужина в горячо натопленной избе на кроватях бросались шутками до трех часов ночи.

Утром разбудил всех бубнящий говор Юрки Кривонищенко и Сашки Колеватова. После завтрака часть ребят во главе с Юрой Юдиным, нашим геологическим лидером, пошла в кернохранилище, надеясь набрать камней для институтской коллекции. Ничего кроме пирита, да прожилок кварца в породе там не оказалось. Юрка Юдин сегодня уезжает обратно домой, застудил спину, когда ехали на лесной участок на ГАЗ-63 наверху, замерзли ужасно. Жаль, конечно, с ним расставаться, особенно девочкам, Люде с Зиной, но ничего не поделаешь.

Собирались долго: мазали лыжи, подгоняли крепления. Скорей бы в путь, на лыжи... Как-то мы пойдем?

Мёртвая гора

Название горы Хоолат-Сяхл произошло от ханты-мансийского «хоолат» - мертвец. Это гора с многочисленными останцами на водораздельном хребте на юго-юго-восток от горы Лунт-Хусап-Сяхл между верховьями рек Луусум-Яя и Аавыспия-Яя (р. Ауспия).

Терминами «хоола» (ед. ч.), «хоолат» (мн. ч.) манси называют заплесневелых, замшелых - покрытых уже мхом, мумифицированных, высохших,

окаменевших мертвецов или скелеты, обнаруженные по прошествии длительного периода: месяцы, годы, десятилетия, века и т.д. Когда в доме или в роду кто-либо умирает, на время всего траура термин «хоола» и его производные являются табу, употребляются иносказательные варианты: савын патум ут «впавший в страдание некто», ловумтам ут «обмытый некто». В общении людей употребляется иногда грубая нетактичная форма в отношении недругов, мучителей, убийц, преступников сорумн патум ут - покойник, успоший, букв. «в смерть впавший некто». Кроме того, «хоола» считается самым тяжким оскорблением во время ссоры, буйного скандала, даже хуже, чем нецензурное слово.

На массиве есть отрог Хоолат-Сяхл-Нёл или просто Хоолат-Нёл «Отрог горы мертвецов». На левом берегу Аавыспия-Яя (р. Ауспия) есть гора с названием Хоолат-Нёл-Патта-Сяхл «(Высокая) гора у конца отрога Хоолат-Нёл». Патта - тупик; конец.¹

С южной стороны горы Хоолат-Сяхл расположена седловина Хоолат-Сяхл-Муунинг-Сори «Седловина со скальными останцами при горе Хоолат-Сяхл». Муунинг - со скалами-останцами; с камнями (глыбами)-останцами. В списке Б. Мункачи седловина значится как Монинг-Сори: 6. Moning-Sori' (Moning hegyszoros; a hol Кузьма Монинь renei legelnek) (Muncacsí, Bernat. Vogul nepköltési gyűjtemeny / Bernat Munkascsi. - Budapest, 1896. - К. IV., стр. 438).²

Настало время выяснить, что же считается «мертвым» в ханты-мансийском языке.

Здесь, как и во многих других случаях, кажущаяся простота скрывает невероятно сложный комплекс представлений. На самом деле, четкое разделение понятий смерти и жизни должны были бы взаимно исключать друг друга, однако они одновременно и предполагают друг друга, ибо жизнь не кончается смертью, потому что смерть есть иной вариант жизни. Например, вот какая цепь умозаключений следует из того факта, что во сне был увиден некогда умерший родственник: «Если приснился ушедший в нижний мир – значит, его тело не разложилось, он жив и хочет навестить родственников, значит нужно идти к нему на встречу, делать поминки».

Как правило, пожилые ханты на вопрос, есть ли у них родители, отвечают: «Есть, но они мертвые». К.Ф.Карьялайн из угроведов был первым, кто обратил внимание на

¹ Т. Д. Слинкина: Мансийские оронимы Урала. Ханты-Мансийск, ОАО ИД "Новости Югры", 2011

² Перевод: 6. Монинг-Сори (Горный перевал с камнями-останцами, где Кузьма Монин пасёт (перегонает) оленей).

множество терминов для обозначения мертвого, противопоставляемых термину lilen в значении живой, свежий... Среди них, например, suram, kalam, kali (ср. с мансийским «хоола»); два последних термина означают «падаль», «мертвечина». К.Ф.Карьялайн не придавал этому факту особого значения. В.Н.Чернецов³, восстанавливая последовательность представлений о живом и неживом, пришел к выводу, что «Действительным признаком смерти является... физическое разрушение тела, т.е. его разложение» (Чернецов 1959).⁴ Такое представление о смерти он отнес к наиболее ранним из подпадающих исследованию. В.Н.Чернецов как бы поставил под сомнение существование стадии всеобщего оживления по крайней мере в культуре обских угров.

Рассмотрим прежде более простые вещи, чем сам человек. С точки зрения хантов, основное отличие живых предметов от мертвых заключается в способности оказывать действие на другие предметы, в ряду которых находится и сам человек. Живые предметы обладают одним или совокупностью признаков: дышать, двигаться, расти, издавать звуки, видоизменяться.

Живыми будут: человек, животное, деревья, вода (в реке), снег (падающий), гром (это рябчик, у которого на зиму замерзло горло), огонь (это невидимая женщина в красной одежде), ветер, бубен (потрескивает, реагируя на изменения температуры) и т.д. Все невидимые духи - хозяева, а так же их изображения являются живыми существами. Предметы, не обладающие перечисленными признаками, относятся к разряду неживых (.nt.lilenki), т.е. не имеющих lil. Таковыми будут упавший снег, вода в посуде или дождевая вода (lawet jenk), кусок земли, пень. Неживые предметы могут переходить в разряд живых, если они, в частности, проявляют способность к движению, какому-либо изменению или обратят на себя внимание животного, человека. Камень, доселе лежавший, был неживым, но вдруг скатился с горы - стал живым. Многое из живого (духи) невидимы, поэтому человек должен доверять собаке (собаки, как и шаман, видят духов). Смерть одного предмета дает начало другому: жизнь и смерть - это бесконечное чередование состояний. Снег (падающий) живой, но ложась, умирает; вода в реке - живая, но умирает, превращаясь в лед; лед живой (трещит), но умирает, превращаясь в воду. Туман живой и поднимаясь, умирает, превращаясь в тучу, туча умирает, рассеиваясь каплями дождя. В фольклоре часто идет речь о воде, но всегда с прилагательными, небезучастно к общему содержанию: вода дождевая; вода, приготовленная из растопленного снега, стремительно бегущая и т.д. Интересен и другой путь «перехода» неживых переходов в разряд живых.

Какой-либо предмет, не дышащий, не двигающийся, не является живым, однако становится таковым, если имеет внешнее сходство с человеком, животным, т.е. двигающимся, растущим. Если этой формы не достаёт - можно придать ее искусственно. Наоборот, «уничтожив» форму, человек лишил жизни «предмет». Так ханты поступали с медведем-людоедом или змеей. Убить выстрелом или задушить при помощи удавки считалось недостаточным, поэтому требовалось сжечь или расчленив. Для обозначения такой смерти есть специальный термин - tagen. Форме, внешнему виду в воззрениях хантов придавалось очень важное значение. Различным духам жертвовались не обязательно животные, но их изображение из дерева, бересты, теста; иногда чучело.

Для более детального выяснения вопроса о значении формы вернемся к анализу некоторых состояний человека. Причиной сна, болезни, сумасшествия, как уже

³ Валерий Николаевич Чернецов (17 марта 1905 — 29 марта 1970) — угровед, этнограф и археолог.

⁴ Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угров. Исследования по вопросам первобытных религиозных верований. ТИЭ, 1959. Т.51.

говорилось, является уход из тела жизненной силы *lil*. Но это не всегда и не обязательно ведет к смерти.

У человека имеется и вторая жизненная сила - это образ (тень), которая исчезает с разложением тела: здесь смерть неизбежна. С точки зрения хантов, человек полную активность имеет при наличии внутренней и внешней жизненных сил. В наших материалах имеются сведения о том, что в далеком прошлом сумасшедших приносили в жертву, поскольку их считали мертвыми. В.Н.Чернецов в связи с этим ссылается на данные фольклора, где говорится о том, что люди с внутренней болезнью считаются мертвыми, хотя они ходят, разговаривают и т.д. (Чернецов 1959).⁵

Что касается значения внешней жизненной силы, то здесь точно так же: люди, имеющие какие-либо дефекты, считались мертвыми. В связи с такими представлениями, захоронение человека, причиной смерти которого было разрушение тела, выглядело совершенно иначе, ибо обряд как ритуал, не осуществлялся; хоронили таких не на общем кладбище. В этом случае имеет применение название трупа как падаль. Наоборот, обертывание тела берестой, погружение его в выдолбленную («по фигуре») колоду предполагало сохранить, по сути дела, продлить жизнь умершему. Обряд погребения был предельно упрощен, если кости человека находили не в анатомическом порядке. Разрушительное действие, как известно, оказывает огонь, и описанная традиция не допускает применение огня в погребальном обряде. К.Ф.Карьялайнен писал: «Для того, чтобы полностью обезвредить врага, уничтожить его без остатка, древние угры сжигали его труп». (Katjalainen 1921).

Если в представлениях хантов отсутствовало понимание смерти как естественного конца жизни, то представления о смерти как о небытии, несомненно, имели место, и связываются они с разрушением тела. На разных этапах развития представления о живом-неживом выглядели неодинаково, в результате их переплетений и наслаиваний сложился сложный, с трудом поддающийся расчленению комплекс. Самыми ранними в традиционных представлениях следует считать те, которые связываются с целостностью тела, внешностью, но не с внутренней жизненной силой, способной существовать вне тела, сводимой к свободной душе, душе-дыханию. Термин "lilenki", применяющийся по отношению ко всему живому и обозначающий "дышащий", не охватывает всего многообразия предметов, считающихся живыми. В воззрениях далеких предков хантов антропо- и зооморфные искусственные и естественного происхождения предметы не являлись духами: они просто считались живыми.

Еще несколько слов о культовых местах манси и их классификации.

⁵ Чернецов В.Н. Представление о душе у обских угуров. Исследования по вопросам первобытных религиозных верований. ТИЭ, 1959. Т.51.

Известно, что бассейн верхнего течения Северной Сосьвы в XVI - XVIII вв. являлся местом активных миграционных процессов: манси, вытесняемые русскими людьми с западных склонов Урала, через верховья Лозьвы вышли на Северную Сосьву, заставив уйти далее на восток ранее проживавших здесь хантов. Передвижения манси внутри данного региона приводили к образованию собственных поселков и, соответственно, местных святилищ различных рангов. Нередко новый дух-покровитель оказывался «сыном» покровителя пауля, из которого часть жителей отселилась, образовав при этом новый поселок. Осваивая территорию, манси населяли ее и образами известных им богов и духов.

Мансийские святилища, расположенные в бассейне Северной Сосьвы, можно разделить на пять основных категорий: культовое место территориальной группы, место предка-покровителя селения, памятное место, женское место и домашнее святилище. Все упомянутые категории святилищ были встречены в бассейне крупнейшего притока Северной Сосьвы - Ляпина. Памятные места и женские святилища в верховьях Северной Сосьвы на протяжении текущего столетия не встречены. К святилищам территориальной группы можно отнести следующие: культовое место Нер-ойки и Чохрын-ойки на оз. Турват (почиталось манси, проживавшими у восточных склонов Урала - в верховьях Лозьвы, Пельма и Сосьвы); святилище Чохрын-ойки в Усть-Тапсуе (манси верхнего и среднего течения Северной Сосьвы, бассейна р. Тап-суй); культовое место Ялпынг-Аки (манси селений, расположенных в бассейне р. Тапсуй). Следует отметить, что у ляпинских манси святилища территориальных групп могут быть разделены на два типа. Первый из них - межфратриальное культовое место (Торум-кан). Второй, например, святилище бога войны Хонт-Торума, связан с бытованием у манси в прошлом военно-потестарной организации, когда каждый «князь» имел своего «идола», служившего идеологическим обоснованием единства населения «княжества».

Что же касается верхнесосьвинских манси, то появление у них святилищ территориальных групп трудно связать с бытованием в прошлом тех или иных социальных структур. С определенностью можно говорить лишь о том, что почитаются здесь весьма значимые персонажи мансийского пантеона.

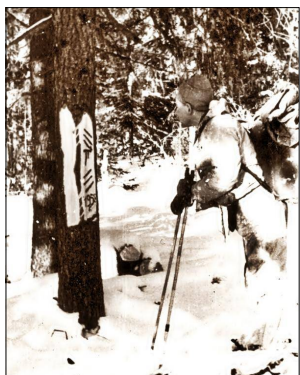
С традицией почитания духов-покровителей территориальных групп манси связано периодическое проведение общественных жертвоприношений в определенные сроки. Это, естественно, не исключает принесение жертвы духам-покровителям по иному поводу (начало охоты, болезнь, проезд в районе святилища).

К местам почитания предка-покровителя селения можно отнести святилища Лептит-ойки (Самбиндаловы; Яны-пауль), Йипых-ойки (Тасмановы; Халпауль), Каль-Нехос и Тулям-ур-ойки (Номины, Няксим-воль), Торм-ойки (Пуксиковы; Хангласам, Хулимсунт), Мисхум-ойки (Алкадьевы; Менкв-я-пауль), Полум-торум-пыга (Вынгелевы; Верхне-Нильдино). Данные святилища находились в непосредственной близости от «своих» селений и могли посещаться не только представителями фамилии, ведущей

происхождение от предка-покровителя, но и мужчинами других фамилий, проживающих в селении, в сопровождении хранителя места. А. Каннисто делил жертвенные места на яны-кан «большое жертвенное место» и мань-кан «малое жертвенное место». Мань-кан могло располагаться за каждым домом в селении, тогда как яны-кан являлось культовым местом, общим для жителей всей деревни или нескольких рядом расположенных селений. Мань-кан посещали и женщины, им запрещалось находиться только рядом с жертвенным деревом; женщины могли присутствовать при жертвоприношении и находиться у жертвенного костра. Более строгие правила для женщин существовали при посещении яны-кан: они не могли подходить к костру во время жертвенной церемонии; на некотором удалении разводили свой огонь, на котором варили жертвенное мясо.

Холат-Сяхыл не является ни священной, ни культовой горой для манси, молебный камень находится на горе Ойка-Чахл в вершинах р. Вижай. Ойка-Чахль (в других источниках – Ойка-Чахл; в наиболее искаженной форме – Ойна-Чахл, Ойкачакур и Ойка-Чакур) – является неточным, русифицированным. Истинным следует считать мансийское название Ойка-Сяхыл, что переводится как «Старик-гора» или «Хозяин-гора». У манси эта гора обожествляется; является священным местом, куда простому человеку путь закрыт. «Старик-гора» выступает одним из главных героев мансийской мифологии.

Оленья тропа: след в след

Направление маршрута группы под руководством Игоря Дятлова было кольцевое: от Вижая вело сразу на север до брошенного поселка Второй Северный, от него на северо-запад на гору Отортен, самую высокую вершину Поясового гребня Северного Урала, затем на юг с восхождением на вершину горы Ойка – Сяхыл и последующим возвращением в поселок Вижай, где и должен был закончиться наш маршрут.

Походный дневник пишется в пути, на морозе, на ходу.

Идем вверх по реке Лозьва. Каждый торит тропу по 10 минут. Глубина снега в этом году значительно меньше, часто приходится останавливаться и соскабливать мокрый снег с лыж, встречаются еще такие незамерзшие места.

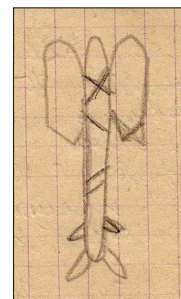
Юрка Кривонищенко идет сзади и делает кроки маршрута. Берега реки в районе Второго Северного скалистые, особенно правый берег, затем известняковые скалы попадают только местами, и в конце концов берега становятся пологими, сплошь покрытые лесом.

Встаем на привал в 5-30 на берегу Лозьвы. Сегодня первая наша ночь в палатке. Ребята берутся с печкой, пришивают полог из простыни. Кое-что сделав и кое-что не сделав, садимся ужинать. После ужина долго сидим у костра, поем задушевные песни. Зина пытается даже учиться на мандолинке под руководством главного нашего музыканта Русика. Затем возобновляется дискуссия, причем все наши дискуссии, которые были за это время, преимущественно про любовь. Кому-то приходит в голову стенографировать все наши высказывания или завести на этот счет особую тетрадь.

Наговорившись, вползаем в палатку. Подвешенная печка пышет жаром и разделяет палатку на два отсека. Никому не хочется спать у печки, и решили положить туда Юрку,

с другой стороны располагается дежурный Саша Колеватов. Юрка, полежав минуты две, не выдерживает и перебирается во второй отсек, при этом страшно проклиная и обвиняя нас в предательстве. После этого еще долго не могли заснуть, о чем то спорили, но наконец все стихло.

Наутро около 8-30 начался пассивный подъем. Коля Тибо что-то острит с утра. Собираться никому неохота. А погода! В противоположность остальным теплым дням - сегодня солнечный холодный день. Солнце так и играет. После завтрака идем по реке Ауспии, но опять эти наледи не дают нам продвигаться вперед. Вдоль Ауспии проехали манси.

Пошли берегом по санно-оленьей тропе. Иногда появляются на деревьях вырубки - мансийская письменность. Катпос - это когда охотник решает запечатлеть на дереве какое-либо событие, например, успешную охоту. Делается это с помощью условных знаков. Если хотят обозначить авторство, ставят родовой знак, который имеет силу подписи. Он передается по наследству от отца к сыновьям.

Вырез в форме копыта внизу - указание на добычу лося неподалеку. Косая черта - охотник.

X-образный знак с двумя штрихами - родовой "герб" Самбиндаловых, сосвинских манси, хранителей священного озера Турват.

Вот тропа выходит на берег. Теряем след. В дальнейшем тропа идет левым берегом Ауспии, но упряжка оленей прошла по реке, а мы ломимся по лесу. При удобном случае сворачиваем на реку. По ней идти легче. В середине пути встретили стоянку манси. Сейчас мансийская тропка сворачивает на юг.

Около 2-х часов останавливаемся на обед - привал. Корейка, гость сухарей, сахар, чеснок, кофе, запасенный еще утром - вот наш обед.

Оленья тропа кончилась, началась торная тропа, потом и она кончилась. Шли целиной очень трудно, снег до 120 см. глубиной. Лес постепенно редет, чувствуется высота, пошли березки и сосенки карликовые и уродливые. По реке идти невозможно - не замерзла, а под снегом вода и наледь, тут же на лыжне, идем опять берегом.

День клонится к вечеру, надо искать место для бивака. Долго искали место, вернулись метров на 200 назад. Вот и остановка на ночлег. Место прелестно: сухостой, высокие ели, словом все необходимое для хорошего ночлега. Как всегда, быстро разводим костер и ставим палатку на лапник. Погрелись у костра и пошли спать.

С утра погода была самая дрянная для лыжных прогулок: холодно, позёмка, деревья шумят и качаются, сыплют за шиворот кухту. Зато для охоты на копытных лучше не придумать - большеухий лось не слышит, как крадется охотник.

Вышли относительно рано, около 10 утра. Идем по проторенному манси лыжному следу. До сих пор мы шли по мансийской тропе, по которой не очень давно проехал на оленях

охотник. Вчера мы встретили его ночевку, олени дальше не пошли, сам охотник пошел по зарубкам старой тропы, по его следу мы идем сейчас.

Накануне ему нужно было ехать за лосятиной, 25 км в один конец. Наледи на Ауспии были такие, что сани вязли на первых километрах. Оленья упряжка, длинные сани. В санях охотник, пара лыж, ружьё.

Начиналось все неплохо. Ехал по старой лыжне, путику, хотя это было неудобно. Упряжку кидало в разные стороны. Перекаты проходил берегом. Иногда соскальзывал, отстегивал сани, вытаскивал, ехал. Там, где месил снежно-водяную кашу наш предшественник, теперь образовался ледяной желоб.

Лыжня нырнула с реки в лес, по пути выросли сопки. Лыжня по ним лихо скакала, так что с санями въехать не всегда получалось. Когда охотнику надоело ездить туда-сюда, он сани бросил.

Попил чай, манси пьют чай постоянно. Отправился за лосем. Погода тем временем отпустила. На болоте без того снег рыхлый, а тут он стал еще и вязким. Даже по лыжне охотник не смог проехать на санях, шел на лыжах. На камусных лыжах манси ходят по рыхлому зимнему снегу. Ворс препятствует проскальзыванию лыжи назад. Можно подниматься в крутые склоны. Ограничивать будет не крутизна, а способность голеностопного сустава сгибаться. Такие лыжи плывут поверху, когда другие тонут.

Лось был в петле, причем давился давно, судя по тому, как вмерз. Почему сразу не освежал лося? Не проверил вовремя петлю скорее всего. Удивительно, что и россомаха не нашла, эта наглая тварь может за ночь растащить всю тушу по своим закромам, если найдет.

Идти нам сейчас особенно тяжело. След не видно, часто сбиваемся с него или идем ощупью. Таким образом проходим 1,5 - 2 км. в час.

Вырабатываем новые методы более производительной ходьбы. Первый сбрасывает рюкзак и идет 5 минут, после этого возвращается, отдыхает минут 10-15, после догоняет остальную часть группы. Так родился безостановочный способ прокладывания лыжни. Особенно тяжело при этом второму, который идет по лыжне, торенной первым, с рюкзаком. Постепенно отделяемся от Ауспии, подъем непрерывный, но довольно плавный.

И вот кончились ели, пошел редкий березняк. Мы вышли на границу леса. Ветер западный, теплый пронзительный, скорость ветра подобна скорости воздуха при подъеме самолета. Наст, голые места. Об устройстве лабаза даже думать не приходится. Около 4-х часов. Нужно выбирать ночлег. Спускаемся на юг - в долину Ауспии. Это самое снеговое место. Ветер небольшой по снегу 1,2 - 2 м. толщиной. Усталые, измученные принялись за устройство ночлега. Дров мало. Хилые сырые ели. Костер разводили на бревнах, неохота рыть яму. Ужинаем прямо в палатке. Тепло. Трудно представить подобный уют где-то на хребте, при пронзительном вое ветра, сотне километров от населенных пунктов...

Урал служит барьером для прохода воздушных масс, и когда они, накопив критический объем, проскакивают осевой хребет, на перевалах создается эффект аэродинамической трубы. За каждой елочкой создается мощная ветровая тень, которая формирует целый овраг, все это застывает в жесткий наст.

Получается не перевал, а полоса препятствий. Как на леднике в больших горах, приходится лавировать. В условиях ограниченной видимости и сильного ветра преодолеть на лыжах эти заструги очень неудобно.

Для Анямовых охота - средство существования, в лес как на работу. Это не загонная охота, это индивидуальная охота «скрадом». Лося надо выследить, вытропить, сблизиться на 50 шагов и поразить из ружья. Собака только до Нового года поможет, в конце января - начале февраля снега большие.

Четыре охотника манси, Анямовы Андрей с племянниками Николаем и Андреем, и с Константином Шешкиным, выехали из поселка Суеват-Пауль в последних числах января. Сакральное пространство пауля (т.е. родового селения манси) имеет четкие границы в виде мань-кола. За его пределами начинается новая система - охотничьи и рыболовные угодья. На этой территории водятся вредоносные (менквы, кули) и полезные (Мис) для человека существа. В своих угодьях манси могут рассчитывать на помощь пупыгов и Мис махум. Собственные угодья отделяются от чужих специальным знаком. За пределами угодий манси уже не могли рассчитывать на помощь духа-покровителя. Знак, оставленный на дереве, таким образом, ограничивает сакральное пространство охотничьих и рыболовных угодий. Традиционные манси никогда ничего просто так не расскажут о сакральной жизни, и уж точно своих божков в обиду не дадут.

Тропили лыжню по очереди. Они пересекли довольно свежие следы узких туристских лыж по реке Лозьва выше Ауспии, следы шли на реку Ауспию, и далее в Уральские горы. На открытом месте лыжня была глубоко замечена, а в лесу слегка припорошена.

Осталось загадкой, как манси из многочисленных хаотично направленных следов избирают единственно верный путь через лосиные цепочки и лежки. Это лабиринт, где входной и выходной след один. Но чтобы распутать его с ходу в чащобном лесу надо быть провидцем, или опытным охотником.

На болоте снег держал лишь местами - тропить было тяжело. Матуха с годовалым дитем практически по прямой уходили от реки - их явно что-то напугало. Охотники расстроились - догнать по такому снегу невозможно.

Свернули к перевалу - дать круг на всякий случай. В дни охоты было солнечно и морозно, а на душе предчувствие опасности. Кто понимает, знает, что начинается в горах после такой красочной феерии. Два дня кромешной непогоды, со снежным бураном и полумглай, пережидали в лесу.

На рассвете, когда тучи и облака рассеялись, охотники увидели, как высоко в небе расцвел огненный диск. Пятно двигалось с северо-востока на юго-запад, словно огибало и падало на землю, по форме оно напоминало большой ореол, что бывает вокруг луны в ясную морозную погоду. Затем центр этого пятна потемнел, а весь светлый круг начал таять и скрылся за высоким лесным увалом.

Назад ехали по своему следу, но на болоте тропу уже успело замести. Капканы проверили еще по пути вперед. Их довольно много, но захлопнулись немногие. Расставлены так, чтоб просматривать их с ходу, слегка притормаживая. Общий принцип их расстановки понятен – на уступах речной террасы, или гривы, вдающейся в болото, с высоким кедром или мрачным буреломным ельником. Соболь любит такие опушки.

Говорят, что охота возвращает человека. Манси всю жизнь в лесу, всю жизнь охотники: не начали же они на каждую пичужку кидаться. Да что там звери – человека убить ничего не стоит.

И словно в подтверждение вдруг исчез высокий речной берег, и глазам охотников открылась зона Ивдельлага с черными сторожевыми вышками, торчащими из снега, как обломки зубов...

Deathwatch

рудником.

Мой отец, Владимир Иосифович Тибо-Бриньоль, во время учебы в Санкт-Петербургском Политехническом институте состоял в партии кадетов, принимал участие в студенческих волнениях, был под арестом, и в итоге был выслан в Вологодскую губернию, а потом - за пределы России. Поэтому закончил образование и получил диплом горного инженера в Горной Академии во Фрейберге в Германии. В Россию вернулся незадолго до Первой мировой войны, октябрьские события встретил управляющим Ревдинским

рудником. 6 января 1931 года он был арестован по обвинению в участии в Уральской промпартии и отправлен в распоряжение СИБЛАГа в г. Новосибирск. В это время в Свердловске его жену и двоих детей выселили из квартиры.

Когда в Сибири началось развитие Прокопьевского и Осиновского рудников, Владимир Иосифович был переведён на Осиновский рудник, и работал в шахте. Через год, в июне 1933 года, его расконвоировали и перевели на должность начальника технического отдела в горный район рудника. Его жене и старшему сыну Володе разрешили приехать к нему и жить в посёлке Осинники. А дочке Лизе было уже 17 лет, и она работала в Свердловске.

Я родился 5 июля 1935 года в Осинниках. В 1938 году нашего отца отправили в глухую тайгу, в Горную Шорию, на тяжелые работы - строительство железорудного месторождения. Матушка с двумя детьми осталась в Осинниках, ждать окончания его десятилетнего срока. В январе 1941 года отец вернулся в Осиновский рудник и устроился

работать, уже в качестве вольнонаёмного, проектировщиком треста "Молотовуголь". После всех мытарств, потерь и унижений силы его были подорваны. Он заболел и скончался в больнице в сентябре 1943 года.

Когда отец умер, мне было всего девять лет. А вскоре пришло известие о гибели на фронте от ранения в голову старшего брата Владимира. Туристические походы стали для меня, студента стройфака УПИ, настоящей отдушиной. Не потеряли они своей привлекательности и после окончания института. Но перед походом по Уралу, назначенным на январь 1959 года, матушка вдруг забеспокоилась. Она не хотела отпускать меня, и тогда я пообещал ей, что этот поход станет последним...

В Ивдель мы с друзьями приехали около полуночи 25 января. Ночевали на вокзале, расстелив палатку прямо на полу в зале ожидания. По очереди дежурили всю ночь.

Накануне в Серове встретили чудовищно: не пустили в помещение вокзала, и милиционер наострил уши; в городе все спокойно, преступлений и нарушений никаких, как при коммунизме; и тут Георгий затынул песню, его в один момент схватили и увели. Отмечая для памяти гражданина Кривонищенко, сержант дал разъяснение, что пункт третий правил внутреннего распорядка на вокзалах запрещает нарушать спокойствие пассажиров. Это, пожалуй, первый вокзал, где запрещены песни, и где мы сидели без них. Потом, в поезде на Ивдель, в вагоне какой-то еще молодой алкоголик требовал у нас поллитру и заявлял, что мы её стянули у него из кармана. История снова закончилась, второй раз в этот день, вмешательством милиционера.

Основное занятие местного населения – традиционно – золотодобыча. В районе три золотоносных прииска - Спасский, Успенский, Преображенский, основанные в 1843 г. Добыча издавна велась как старательными артелями, так и вольными добытчиками. Вольный золотодобытчик искал золото по тайге, потом туда приходило государство, вольного выгоняли и называли «хищником».

В довоенное время свободная золотодобыча поощрялась. Вот что было написано в 1935 году в журнале «Советская золотопромышленность»: «Старатели-золотничники являются лучшими практиками-разведчиками, выявляя в глухой сибирской тайге богатейшие площади ... и это обстоятельство обеспечивает им полное право на максимальную техническую помощь со стороны предприятий. Все предприятия системы Главзолото обязаны широко объявить о льготах и поощрениях, которые будут оказаны первооткрывателям и наиболее активным частным (вольным) разведчикам».

Вскоре после войны законы стали настолько суровыми, что напрочь искоренили вольную добычу золота в стране. Закон гласил: «Грамм - год». Даже случайно найденное золото, так называемое «подъемное», сдавать стало небезопасно, в милиции могут резонно спросить, а все ли сдал? Все золотоприемные кассы были закрыты, и созданы специальные отделы по борьбе с незаконным оборотом драгметаллов. В результате частная золотодобыча была практически уничтожена. В марте 1955 года

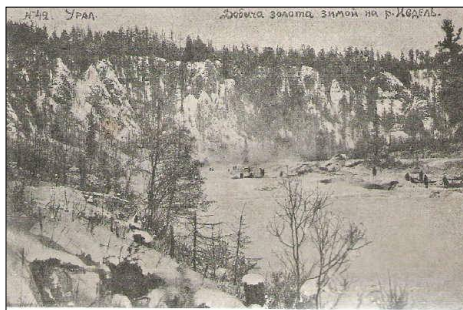
старательские артели были распущены и прииски перешли на государственную добычу золота. К 1959 году и государственные прииски обезлюднили. Именно в этот период начался разгул криминала, когда бывшие артельщики ушли в тайгу на вольный прииск.

На дальних приисках и в глухих таежных урочищах стали появляться так называемые «вольные старатели». В среде этих «добытчиков» преобладали авантюристы, уголовные элементы, бродяжки и «охотники за легкой наживой», которые в одиночку или небольшими артелями с помощью кайла, лопаты, промывального лотка, реже тачки и легких шлюзков с решеткой занимались, в основном, нелегальной добычей золота, нередко с разбоем, в удаленных малоосвоенных приисковых районах, а затем и сбытом его по своему усмотрению, часто контрабандными путями за границу и на «черном» рынке.

Если разрабатывали золото из россыпей, то делали настилы над рабочей зоной и маскировали их так, что пока носом не ткнешься, не увидишь. Если били шурфы, а это делали как раз зимой, то жили как кроты в норах, не выходя на поверхность неделями. Печь топили ночью, и пески отогревали и рубили ночью. Промывали породу - мутную воду сбрасывали под снег. Золото зимой даже проще добывать, чем летом - вода в шурфы не поступает. Летом мыли ночью - днём с вертолѐта хорошо видна муть в реке. Основной сезон у них начинается с августа, когда приходит темнота, широты-то высокие - белый день, и продолжается до марта, когда всё тает.

Золотоносные пески уходят вглубь и содержат много кварца с видимым золотом, его извлекают измельчением кварца в ручных ступах и промывкой на вашгерде или в ковше. Потом золото освобождается от кварца и проникает глубже, до грунтовых вод. При дальнейшем разрушении золото сносится речными потоками вниз от первичных жильных месторождений, и таким путем образуются вторичные месторождения — золотые россыпи по логам и речным долинам.

Лозьвинский разлом известен как рудообразующий именно на золото. И не только знаков, а хороших содержаний. По отдельным местам есть факты ураганных содержаний золота. Где есть золото, там и «хищники». А за последними всегда тянется кровавый след, в то время не было страшнее сволочей в тайге... Манси хорошо знают все старинные раскопки и обнажения горных пород, их познаниями умело пользуются старатели. Вогулы указывают им руды без всяких корыстных целей, даже не требуя вознаграждений. Эта наивность часто оборачивается против них самих и лишает их спокойной жизни.

После ночевки в вижайской гостинице, обеда в столовой – гуляш и холодный чай, договорились и едем на 41 лесоустроительный участок на машине. Зону с дороги уже сняли.

Расположенный в непроходимых лесах, Ивдельлаг стал лагерем уничтожения, где человеческая кровь текла непрерывным потоком. Места захоронения бессарабских румын, арестованных и депортированных в 1941 году, остаются неизвестными до сих пор. Тогда на станции Тирасполь мужчин грубо отрывали от своих семей и отправляли по

последнему маршруту – в Ивдельлаг. Энкаведешники писали после медицинского осмотра: «годен к тяжелым физическим работам», «использовать на любых тяжелых работах»... Следует также упомянуть и о немцах из Поволжья, которые в начале 1940-х годов были депортированы. А все мужчины и одинокие женщины были отправлены на принудительные работы. Несколько тысяч человек попало и в Ивдель. Хотя официально они не были заключёнными, их участь мало чем отличалась от судьбы лагерников. Эти люди были обязаны жить на одном месте и работать в трудовармиях. Поэтому их называли «без вины виноватые».

Одно из первых лагерных подразделений основали к югу от Ивделя, в посёлке Сама. Это были «ворота», куда поступали и откуда распределялись осуждённые, попавшие в систему Ивдельлага. Вскоре подразделение стало центром окрестных лагерей, силами заключённых началось строительство железной дороги от станции Сама до Ивделя. Ивдельский лагерь был одним из самых страшных лагерей в Свердловской области, к весне первого же трудовармейского года выбывали из строя две трети эков... С него привозили в больницы с перебитыми ногами и отбитыми почками. Им пугали эков других лагерей. По официальным оценкам с 1938 по 1946 гг. в Ивдельлаге погибло 30 тысяч человек.

Ивдельлаг прекратил своё существование в 1951 году, но лагерь остался. Помимо основных лагунктов, в Лозье содержится так называемая «пятая колонна», которую составляют заключённые, присужденные к 15-20 годам особого режима. В районе охотхозяйства находится 3 головных отделения: отделение в поселке Вижай, отделение в Бурмантово... Кроме этого в районе поселка Вижай находится 10 лагерных пунктов, пересыльных лагерных пунктов и лагерных командировок.

На 41-м лесоучастке нас приветливо встретили, отвели отдельную комнату в общежитии. Долго разговаривали о всяких разностях с местными рабочими, многие после освобождения из лагеря. Особенно запомнился один рыжий "Борода", как его называют товарищи. Это Михаил Огнев, закончил Уфимский техникум, знает район всего Северного Урала. Бывал участником нескольких геологических экспедиций, истинный романтик. Услышали здесь от рабочих ряд песен запрещенных тюремных, 58 статья («контрреволюционная деятельность»).

Всех нас тревожило, кого нужно опасаться в пути, в походе, и случаются ли побег из лагеря – во всей этой непогоде и неуют? Но нас успокоил тот же Огнев.

Последний по времени побег, который был на слуху, произошел зимой с 1951 на 1952 год. Побег этот был организован группой из 5-6-ти молодых заключенных (в прошлом участников бандеровского движения), работавших на одной из шахт Интинского угольного бассейна. Шахта была неглубокая, и им пришла в голову мысль пробить выход из этой шахты на поверхность, за пределами зоны оцепления.

В группе был один маркшейдер, который сумел найти в одном из заброшенных штреков точку неглубокого заложения, расположенную за ограждением шахты, в стороне от людных мест. Надо полагать, что им помогал кто-либо из вольных работников шахты, так как без такой помощи им вряд ли удалось бы найти карту поверхности шахтного поля. Так или иначе, они определили место заложения шурфа и принялись пробивать его. Пройти шурф длиной в несколько десятков метров (они называли цифру в 70 метров, но она кажется мне преувеличенной), работая урывками, так, чтобы этого не заметили товарищи по бригаде, было очень сложно. По словам участников побега, работали они около трех

недель. Накопить запас продуктов было сравнительно просто. В 50-х годах заключенных, работавших в шахтах на подземных работах кормили довольно сытно. Сэкономить какое-то количество хлеба было нетрудно, гораздо трудней было засушить сухарей — сушка сухарей в лагере всегда воспринималась как подготовка к побегу, — но и это они как-то организовали. Консервы и жиры беглецам приобрели вольнонаемные товарищи по шахте (не зная, конечно, для какой цели). Хотя в те годы заключенные в спецлагерях иметь деньги на руках не могли, но это затруднение обходилось очень легко. Обычно часть выработки заключенных записывалась в наряды работавшим вместе с ними вольным рабочим (в большинстве случаев бывшим заключенным, отбывшим срок, но не получившим права выезда). Эти последние, получив незаработанные деньги, возмещали какую-то часть их принося на работу всевозможные продукты и даже спиртные напитки.

Сложнее всего было достать одежду. В спецлагерях иметь какую-либо собственную одежду не разрешалось, и взять ее было негде. Беглецы вышли из положения, достав у кого-то старую изношенную спецодежду и обменяв ее на шахте на новую. На это были только телогрейки и ватные брюки, даже бушлатов достать не удалось.

В одну из зимних ночей беглецы добрались оставшуюся часть шурфа, вышли из шахты и, ориентируясь по компасам, снятым с маркшейдерских инструментов, взяли направление на Полярный Урал, рассчитывая перейти через перевал и уйти в бассейн реки Обь.

На шахте постоянно оставались какие-либо заключенные рабочие. Поэтому обнаружить побег было не так просто, и беглецов хватились только спустя дня три. За это время беглецы успели уйти далеко, след их был занесен пургой, и погоня оказалась безрезультатной. Беглецы благополучно добрались до Полярного Урала (пройдя, если не ошибаюсь, около 120 километров) и поднялись к перевалу. На перевале они обнаружили зимующую там метеостанцию. Они зашли на эту станцию, убили оказавшихся там двух наблюдателей, взяли имевшуюся там одежду, запаслись продуктами и пошли вниз к Оби. Но они не знали, что убили не всех зимовщиков: кто-то третий, вернувшись с наблюдений, сообщил в Салехард по радио о случившемся. С перевала вниз вела только одна дорога. Спустившись с гор, беглецы натолкнулись на засаду и были задержаны. Как выяснилось, узнав из радиogramмы о случившемся, районное начальство подняло весь поселок. В засады были посланы сотни людей — весь актив района. Обойти такую сеть засад было, конечно, невыполнимо. Чем закончился суд над этой группой беглецов, я не знаю. Думаю, что они были приговорены к расстрелу.⁶

...День второй, когда мы идем на лыжах. Шли от ночевки на Лозьве к ночевке на Ауспии. Шли по тропе манси. Погода хорошая. -13°. Ветер слабый. Часто на Лозьве встречаем наледи. Всё.

Коля Тибо.

P.S. Похабно писать через два дня.

⁶ Костюрин И. Побег : Из воспоминаний И. Костюрина // Память : Ист. сб. - Нью-Йорк, 1979. - Вып. 2. - С. 534-541.

Эпидемия. Мипор.

В 14 веке в северную Европу пришла чума. Туда ее занес, как рассказывают, парусный корабль, команда которого вся умерла от болезни. Как только неуправляемое судно прибило к берегу, нашлось несколько человек, которые полезли на борт, чтобы воспользоваться дармовой добычей. Однако на палубе они увидели только полуразложившиеся трупы и бегавших по ним крыс. Осмотр пустого корабля привел к тому, что все любопытные были заражены, а от них заразились работавшие в норвежском порту моряки. Народ был уверен, что чума - это сама Хель.

Хель - хозяйка подземного царства мертвых Нифльхель. В подземном царстве она — полновластна, и даже Один не смог заставить Хель вернуть его любимого сына Бальдра. Ее братья, волк Фенрир и змей Ёрмунганд, не уступали ей в омерзительности, но именно свирепая Хель и ее владения были заимствованы христианами для обозначения ада. Вечный холод, болезни и голод мира Нифльхель находились в разительном контрасте с времяпрепровождением павших воинов эйнхериев, пирующих в Вальхалле.

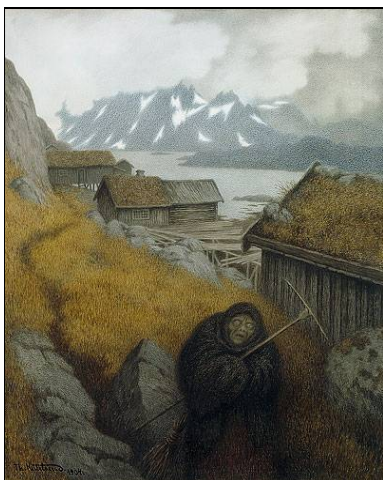
Подданные царства мертвых Нифльхель бессловесно служили своей полуразложившейся повелительнице с головой и телом живой женщины и одновременно с кожей и ногами трупа. Трон ужасной Хель назывался Одром болезни, а ее подданными становились «все, кто умер от хворей и старости», а также бесславно погиб в бою. Сама Хель время от времени покидала свои страшные чертоги и объезжала землю на трехногом белом коне, а во времена чумы или голода, если части населения края удавалось выжить, она, по преданиям, брала грабли. Когда же целые деревни и провинции пустели, как было во времена знаменитой эпидемии Черной смерти, говорили, что она побывала здесь с метлой.

В те времена в Норвегии еще уцелели остатки древних знаний, живые и обученные ведьмы. Королевский двор защищался самоизоляцией. Сидели в замке и от нечего делать травили байки. Старый кормщик рассказал о чуме-Хель. И заявил, что остановить дочь Локи может только витязь-девственник с мечом, которым сражались три поколения героев. А искать вред-бабу надо в полночь на перекрестке. Принц Магнус, которому было лет двенадцать, ночью вытащил меч своего отца и отправился на перекресток. Утром там его и нашли, спящим от утомления. На мече была какая-то ржавчина. А чума вскоре пошла на убыль. И принца Магнуса объявили победителем Хель...

Юра Юдин – десятый участник туристической группы под руководством Дятлова, неожиданно заболел буквально в день выхода на маршрут. Он простился с товарищами и вернулся на лыжах в поселок Вижай, где можно было купить продукты, где была аптека. Аптекарь – художник, этнический немец Герценг, оказался необычайно мягким, добрым человеком. Приветливая, гостеприимная хозяйка, жена его за лекарства болела душой, для детей берегла лучшие. Очень просили взять пенициллин в таблетках в Ивделе, потому что здесь его осталось мало.

В аптеке - восковые, из красного воска розы, все флюорографируемые. Кремль - из пробирки, светится. Часы ручные «Победа» вмонтированные, идут ежедневно. Шкатулка - на крышке вид на реку Лозьву летом и то же зимой, другие шкатулки. Картины - везде. Большие, с филигранной отделкой, очень мастерски, необыкновенно тонко выполнены.

Был такой норвежский художник и иллюстратор Теодор Северин Киттельсен (1857–1914). Самая известная его книга "Черная смерть", посвященная эпидемии чумы.

Чума (чума могла быть с граблями или с метлой - если чума приходила с граблями, у некоторых людей был небольшой шанс выжить. Если с метлой - умирали все. Чума выметала живых подчистую).

Мама, к нам идёт старуха (это тоже про чуму)

Юра Юдин вернулся в Свердловск, зашел за вещами в общежитие, забежал к родителям Георгия Кривонищенко, чтобы предупредить о возможной задержке, как тот просил. И почти сразу уехал в Таборы к родственникам, поправлять здоровье. Он никогда не любил

больницы: и тогда, в январе 1959-го, и потом на протяжении всей жизни. Он знал, что ребята вернутся в 15-17 числах февраля, поэтому не спешил. В институт в Свердловск приехал лишь 19-го, там его и встретила трагическая весть о гибели друзей.

Над всей его дальнейшей судьбой установилась смущенная тишина: внезапная болезнь спасла ему жизнь, отправившихся же на маршрут дятловцев потом убил сам поход. Юра отлично помнил похороны на Михайловском кладбище, после того как все его девять товарищей не смогли выскочить из стремительного обледенения, помнил вереницу женщин в черном и среди них красные черточки гробов с портретами. И безумно искал, искал...

Распознать и верно поставить диагноз при легочной безбубонной чуме очень сложно. Даже в период эпидемии со смертельными случаями ставились диагнозы: лихорадка, пневмония, простуда, злокачественная или тифозная горячка. Период от первого контакта с инфекцией и заражения человека воздушно-капельным путем до смертельного исхода составляет от 2-х до 6 дней, у привитых – до 10 суток.

Могли ли манси быть «сухими дровами» для очага легочной чумы? Да, могли, как проживающие в антисанитарных условиях и возможно использовавшие в пищу мясо зараженных животных. При этом манси были разбросаны на достаточно большой территории, поэтому мелкие пульсирующие очаги заболеваний не принимали характер эпидемии.

Касаясь вопроса заразности легочной чумы, нужно отметить, что ответ на него не так прост, как кажется на первый взгляд. Многие факты, выявленные при эпидемиях легочной чумы, говорят о ее высокой заразности. Однако, они также дают основание утверждать, что между фактом высокой заразности легочной формы чумы и фактом ее малого распространения лежит нечто третье, проходя через которое, высокая степень заразности чумы все же давала «медленное горение» такого малочисленного и разбросанного населения, как манси. Возможно, среди них срабатывал исключительно интуитивный способ защиты от чумы. В инкубационном периоде больной легочной чумой, безусловно, заразен, но не в такой степени, когда болезнь приобретает манифестный характер. Естественно, когда окружающие замечают у родственника признаки болезни, его пытаются изолировать от близких контактов.

Но, возможно, существуют и другие объяснения «медленного горения» эпидемии легочной чумы. Например, эпидемиолог П.В. Захаров, считал, что наряду с легочной (вернее, бронхо-пневмонической) чумой «gravis», стоит чума такой же формы, но «типог». По его мнению, если бы такая форма заболевания чумой среди людей действительно существовала, то случаи нахождения в подозрительной мокроте чумных палочек без последующего летального исхода их носителя имели бы простое и ясное объяснение.

Заболевание легочной чумой имеет сверхострое начало: на фоне полного здоровья внезапно появляются озноб, сильная головная боль, повышается температура, появляется ломота в мышцах и суставах, резкая слабость. Рано появляется и быстро нарастает интоксикация - головокружение, чувство резкой разбитости, мышечные боли, иногда рвота. У некоторых отмечается нарастание беспокойства, непривычная суетливость, излишняя подвижность. Нарушается сознание, может возникать бред. Человек вначале возбужден, испуган. В бреде больные беспокойны, часто соскакивают с места, стремясь куда-то убежать. Нарушается координация движений, становится невнятной речь, походка - шатающейся. Изменяется внешний вид больных: лицо вначале одутловатое, а в дальнейшем осунувшееся с цианотическим оттенком.

В разгар легочной чумы на первый план выступают признаки токсического поражения центральной нервной системы. Нарушается психический статус, обостряется чувствительность к свету, холоду, недостатку свежего воздуха.

Печка не топится, и даже не разбирается – нет сил, уже есть первые признаки чумной пневмонии. Больного (больных) укладывают в палатке. Остро больного раздевают, у него жар, в палатке ему душно. На фоне нехватки воздуха кто-то из туристов вспарывает ножом палатку; он один или сразу несколько, в делириозном состоянии уходят от палатки вниз, не чувствуя холода. Сохранившие рассудок пытаются их остановить или поддержать, но сил у них и на это не хватает.

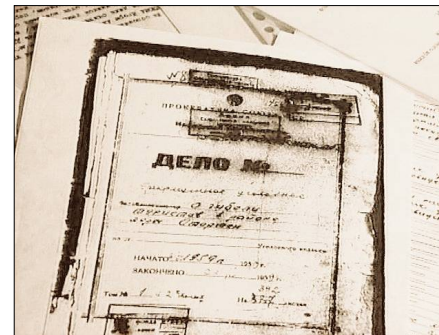
Одного за другим болезнь косит и оставляет на склоне Зину Колмогорову, Игоря Дятлова, Рустик Слободин в обмороке теряет равновесие, падает, получает смертельную травму головы и больше не поднимается... При наружном осмотре чумных трупов врачам всегда бросалось в глаза резко выраженное трупное окоченение. Складывалось впечатление, что трупное окоченение достигало сильной степени довольно быстро, причем наличие у умерших целесообразных поз движения позволило тогда предположить, что смерть наступала больного внезапно, и что окоченение следовало за моментом смерти непосредственно и быстро. Остальные добираются до границы леса, где их останавливает глубокий снег.

В средние века в эпидемии «черной смерти» люди видели наказание за свои грехи, по улицам бродили толпы босых и полуголых кающихся грешников, которые вешали себе на шею веревки, камни, стегали себя кожаными плетями, посыпали голову пеплом. Это безумие, охватившее наиболее уязвимую часть населения, вело к деградации общества, религиозные чувства превращались в мрачное сумасшествие. Собственно, в этот период многие люди действительно сходили с ума.

Живые ребята обрывают ветви с огромного кедрача для убежища в снежном овраге, там же, на пригорке, горит дежурный согревающий костер на время работы. Потом у Саши Колеватова в кармане ковбойки патанатом найдёт пустой пакет от кодеина с содой. Это наркосодержащий препарат, не только противокашлевый, но и болеутоляющий. По характеру воздействия на ЦНС близок к морфину. Кодеин должен был при других благоприятных условиях храниться в аптечке, и то, что пустая пачка оказалась в нагрудном кармане, взамен аскорбинки, о чем-то говорит. Вряд ли Колеватов таскал его постоянно возле сердца весь поход. Хотя, наверное, именно таким образом он выторговал себе несколько лишних часов здоровья и рассудка, чтобы под конец позаботиться о своих умирающих друзьях.

Когда сил на борьбу почти не осталось, костер естественно потух, хотя угли еще чуть тлели. В эти угли завалился в холодном предсмертии Георгий Кривонищенко, так и не почувствовав обжигающей боли. Юра Дорошенко замерз в одночасье на ветру. Ниже, в распадке ручья, уже никто не подавал никаких признаков жизни. И вот тут он, последний, рубивший ельник и переносивший ветки в овраг, остается в совершенном одиночестве. Уже без иллюзий тепла и близости, он медленно падает в снег рядом с другом, который устался открытыми побелевшими глазами в пустую темноту.

Простая формальность

Когда всё уже случилось, прошлое провалилось в *past perfect* и изменить ничего нельзя, остаётся только одна простая формальность: переосмыслить то, что произошло, принять.

С того момента, как Лев Никитич Иванов, будучи уже адвокатом на пенсии, обладающий не очень интеллектуальной внешностью, опубликовал в кустанайской газете «Ленинский путь» версию предварительного следствия по делу гибели туристической группы Дятлова в 1959 году, возникли сомнения в том, что заявленные в статье события вообще могли происходить в реальной жизни.

Однако, все эпизоды дела объясняются и увязываются в одно целое, если их рассматривать как то, что увидел и ощутил следователь с богатым воображением, к которому на исходе жизни пришло осознание бесплодности и бессмысленности его действий в бытность им криминалистом по незаурядному происшествию. Иванов рассказывает читателям газеты то, что сейчас кажется вероятным ему самому, пережившему некогда большое профессиональное унижение в своей жизни.

Бесспорным является и то, что в момент написания статьи он видит перед собой непосредственно материалы старого уголовного дела, цитирует чуть ли не дословно. Номенклатурный стиль вынуждает его ссылаться на книгу тогдашнего члена Совета Национальностей, народного избранника от г. Свердловска Б.Н.Ельцина. Книга неслучайно носит название «Исповедь на заданную тему», Иванов дает понять читателю, что тоже остро нуждается в прощении.

В мае 1959 года в Постановлении о прекращении уголовного дела мл. советник юстиции, прокурор-криминалист прокуратуры Свердловской области Л.Н. Иванов записал:

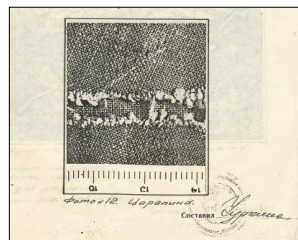
«Дятлов, как руководитель группы, допустил грубую ошибку, выразившуюся в том, что группа начала восхождение 1.11.59 г. только в 15-00. В последующем, по лыжне туристов, сохранившейся к моменту поисков, удалось установить, что продвигаясь к долине четвертого притока реки Лозьвы, туристы приняли на 500-600 м. левее и вместо перевала, образуемого вершинами «1079» и «880», вышли на восточный склон вершины «1079».

Это была вторая ошибка Дятлова.

Используя светлое время дня на подъём к вершине «1079», в условиях сильного ветра, что является обычным в данной местности, и низкой температуры порядка 25-30°С, Дятлов оказался в невыгодных условиях ночевки и принял решение разбить палатку на склоне вершины «1079» с тем, чтобы утром следующего дня, не теряя высоты, пройти к горе Отортен, до которой по прямой оставалось около 10 км. В одном из фотоаппаратов сохранился кадр (сделанный последним), на котором изображен момент раскопки снега для установки палатки. Учитывая, что этот кадр был снят с выдержкой 1/25 сек., при диафрагме 5,6 при чувствительности пленки 65 ед. ГОСТ, а также принимая во внимание, плотность кадра, можно считать, что к установке палатки туристы приступили около 5 часов вечера 1.11.59 г. Аналогичный снимок сделан и другим фотоаппаратом.

После этого времени ни одной записи и ни одного фотоснимка не было обнаружено.

На перевале группа столкнулась с ветром, поднимающем низовую метель. Они уже прошли без ориентиров более километра, не видели ни гор, ни леса, ни даже гребня отрога, вдоль которого шли. Они не знали ни масштабов этой метели, ни её продолжительности. Идти при такой видимости, не сопоставляя своё местоположение с картой, было просто нельзя. Группа так и не вышла из метели, и вынуждена была остановиться в ветровой тени у самого отрога. Когда была разбита палатка, и туристы устроились на ночлег, какая-то сила выбросила их всех раздетых из палатки и разбросала по долине, утверждает Иванов.

Осмотр палатки показал, что в ней в неприкосновенности сохранилась верхняя одежда туристов — куртки, брюки; а также рюкзаки со всем их содержимым. Наличие всей одежды и всех вещей, в том числе дневников, фотоаппаратов, продуктов, говорило о том, что люди оставили палатку внезапно. Уже впоследствии было установлено, что имевшиеся на палатке два длинных разреза, через которые люди покидали ее, были сделаны ножом изнутри.

Около входа был обнаружен естественный след того, что один мужчина выходил из нее для малой нужды. Выходил он разутым, в одних шерстяных носках, затем этот отпечаток необутой ноги прослеживался вниз, в долину.

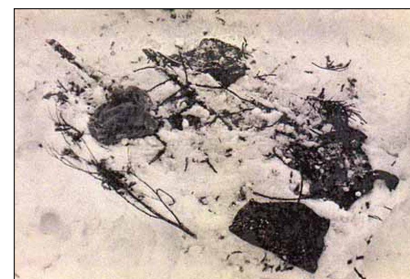
У Иванова было искушение построить версию, что именно этот человек подал сигнал тревоги, и у него самого уже не было времени обуться. Была какая-то страшная сила, которая испугала не только его, но и всех других, заставив их аварийно покинуть палатку и искать убежище внизу, в тайге. Найти эту силу или хотя бы приблизиться к ней и стало задачей следствия.

По склону в долину вели иногда восемь, иногда девять дорожек следов. Было видно, что двое сначала ушли недалеко от палатки метров 20 влево и метров 30 ниже, потом через ещё 30 метров они соединились с остальной группой. В условиях гор с переохлажденным снегом следы не заметаются, а наоборот, выглядят как столбики, т. к. следы под снегом уплотняются, а вокруг следа выдувается. Следы-столбики были ледяные, это значит, что в ночь происшествия был особенно сырой и душный морозец. Снег под давлением ступни таял, а потом, при похолодании, оледенел, окружающий же снег сжатию не подвергался, не нагревался, не подтаивал, как следствие был выдут. Оледенение следов и позволило им надолго сохраниться. Наличие девяти дорожек следов подтверждало, что все туристы шли самостоятельно, никто никого не нес. Дорожки следов располагались близко одна к другой, расходились и вновь сходились. Ближе к границе леса следы исчезли — оказались занесенными снегом. А вот

далее произошла загадка. В полутора километрах от палатки, в долине реки, у старого кедра туристы после бегства из палатки развели костер, и здесь стали погибать один за другим.

В лесу были найдены остатки костра, а около - раздетые до нижнего белья тела Дорошенко и Кривонищенко. В 300 метрах по направлению к палатке было обнаружено тело Дятлова, еще в 180 метрах от него — тело Слободина, а в 150 метрах от Слободина — Колмогорова. Последние три тела располагались на прямой от костра к палатке. Дятлов лежал на спине, головой в сторону палатки, рукой обхватив ствол небольшой березы. Слободин и Колмогорова лежали лицом вниз, поза их свидетельствовала о том, что они ползли к палатке. Последующее вскрытие показало, что погибли эти трое от охлаждения — замерзли, хотя и были одеты лучше других.

В 75 метрах от костровища, по направлению к долине четвертого притока Лозьвы, перпендикулярно к пути движения туристов от палатки, под слоем снега в 2-2,5 метров, были обнаружены тела Дубининой, Золотарева, Тибо-Бриньоль и Колеватова. Вверх по ручью в шести метрах по рядам лапника нашли настил из пихтовых вершин с брошенной поверх него одеждой. При внешнем осмотре на телах не было повреждений, сенсация случилась, когда в условиях Свердловского морга провели вскрытие. Дубинина, Тибо-Бриньоль и Золотарев имели обширные, совершенно несовместимые с жизнью телесные внутренние повреждения. У Людвиги Дубининой были сломаны справа четыре ребра и слева шесть. Один обломок ребра даже проник в сердце. У Золотарева были сломаны пять ребер. Такие повреждения обычно бывают, когда на человека действует направленная большая сила, например, автомобиль на большой скорости. Но такие повреждения нельзя получить от падения с высоты собственного роста. В окрестностях горы и прилегающей местности были занесенные снегом валуны и камни, но они не встречались на пути туристов, и камни эти, естественно, никто не бросал в них, кровоизлияний не было.

При отсутствии наружных телесных повреждений и признаков борьбы, наличии всех ценностей группы, а также принимая во внимание заключение судебно-медицинской экспертизы о причинах смерти туристов, сочли, что причиной гибели туристов явилась стихийная сила, преодолеть которую туристы были не в состоянии. Всем было сказано, что туристы оказались в экстремальной ситуации и замерзли, уголовное дело закрыто и передано в архив.

Поскольку предварительное следствие исключило остальные версии, как то - нападение людей, зверей, падение при урагане и т. п., оставалось только грязное февральское небо и его наполнение — некая энергия, оказавшаяся выше человеческих сил. Пока шло расследование, в газете «Тагильский рабочий» появилась заметка. В тот период, когда гибли студенты, в небе Нижнего Тагила был замечен огненный шар, этот светящийся объект двигался бесшумно в сторону северных вершин Уральских гор. Автор заметки спрашивал: что бы это могло быть?

В то время население еще очень мало знало о неопознанных летающих объектах, говорит Иванов, не знали и о радиации. Запрет на эти темы вызывался возможностью даже случайной расшифровки сведений о ракетной и ядерной технике, развитие которой в те

годы по-настоящему только начиналось, а в мире был период, который называли периодом «холодной войны».

Министерство обороны США впервые опубликовало список случаев аварий с ядерным оружием еще в 1968 году, в котором было упомянуто 13 серьезных катастроф с ядерным оружием между 1950 и 1968 годами. Предположительно, в годы «холодной войны» было утеряно порядка 50 ядерных боеголовок, и далеко не все они остались лежать в безлюдных районах.

13 февраля 1950 года. Тихий океан, восточное побережье США.

На бомбардировщике ВВС США В-36 с ядерным оружием на борту при следовании с Аляски на авиабазу в штате Техас на высоте 2400 метров из-за сильного обледенения загорелся один из двигателей. Экипаж сбросил атомную бомбу в океан, а затем покинул самолет на парашютах (The Defense Monitor, 1981).

10 ноября 1950 года. Канада, провинция Квебек.

На бомбардировщике В-50, (развитие В-29) несущем на своем борту атомную бомбу «Марк-4», произошла неисправность двигателя. Бомба была сброшена с высоты 3200 метров и попала в реку. В результате детонации заряда ВВ и разрушения боеголовки река была загрязнена почти 45 килограммами высокообогащенного урана (The Defense Monitor, 1981).

10 марта 1956 года. Средиземное море.

Бомбардировщик В-47 США с двумя ядерными бомбами на борту исчез во время полета. Он совершил беспосадочный перелет с авиабазы ВВС США во Флориде на неизвестную заграничную базу. Были намечены две дозаправки топливом в воздухе. Первая прошла успешно, но со вторым самолетом-дозаправщиком бомбардировщик так и не вступил в контакт, как планировалось, над Средиземным морем. Несмотря на тщательные и обширные по площади поисковые работы, никаких следов самолета, ядерного оружия или экипажа найдено не было (The Defense Monitor, 1981).

10 марта 1958 года. США, город Флоренс.

Бомбардировщик В-47 при перелете с авиабазы в штате Джорджия на зарубежную случайно сбросил за борт ядерную бомбу, которая упала в малонаселенном районе в 6 милях к востоку от города Флоренс. Заряд её взорвался при столкновении с землей. На месте взрыва образовалась воронка глубиной 10 метров и диаметром 20. Был поврежден частный дом. Ранение получили шесть его жителей. Кроме того, были частично разрушены пять домов и церковь (The Defense Monitor, 1981).

В январе 1966 года над испанской деревушкой Паломарес, во время осуществления дозаправки в воздухе, на высоте 9000 метров столкнулись американский бомбардировщик В-52 и самолет-заправщик КС-135. Самолеты мгновенно превратились в один гигантский пылающий шар, а меж тем, на борту В-52 находились четыре водородные бомбы. Теоретически, в случае аварийного сброса ядерных бомб каждая из них опускается на землю на двухжупольном парашюте...

Но это лишь теоретически.

Франсиско Симо Орте, 40-летний рыбак из деревушки Паломарес, где все население округа едва дотягивало до полутора тысяч человек, как раз промышлял на своей лодке в нескольких километрах от берега, когда в небе над его головой расцвел и пояс огненный шар. Через некоторое время большой металлический цилиндр голубого цвета, спускавшийся сверху на двух парашютах, упал в воду в сотне метрах от его рыбацкого судна, подняв огромный сноп брызг, и сейчас же утонул. Франсиско, заинтересованный таким необычным явлением природы, несколько раз прошел на своей шхуне над местом падения, но ничего подозрительного не обнаружил и, вернувшись домой, рассказал о происшествии друзьям. Те решили обратиться в полицию, однако там лишь пожали плечами – власти предпочли не информировать местную полицию об операции «Сломанная стрела». Бомбу, падение которой наблюдал испанский рыбак, 18 кораблей ВМС США и 3800 военных искали на дне моря почти три месяца.

Спустя менее суток забытая богом испанская деревня превратилась в важнейший стратегический объект НАТО. Десятикилометровая зона вокруг нее была моментально оцеплена — ни войти, ни выйти без специального пропуска было невозможно. Три сотни военных инженеров и экспертов по ЧП со счетчиками Гейгера наперевес к огромному неудовольствию местных жителей топтали окрестные поля, уничтожая армейскими ботинками урожаи помидоров и фасоли. В течение трех дней к ним присоединились еще три сотни искателей, и тогда же, 20-го января, стратегическое командование ВВС США разродилось сухим комментарием, признававшим наличие на упавшем В-52 всего ОДНОЙ ядерной бомбы, каковая, якобы, упала в море. Опасности для населения, согласно этому коммюнике, не имелось. В коммюнике не сообщалось, что одновременно с падением первой бомбы в Средиземное море вторая опустилась на своем парашюте в полувсыхшее русло реки Альмансора. И уж тем более там не было ни слова про то, что минутами раньше две оставшиеся ядерные бомбы, парашюты которых по неизвестным причинам не раскрылись, на скорости более 300 км/час врезались в землю: одна в холмистой местности в полутора километрах к западу от деревни, вторая — рядом с домом одного из местных жителей в восточной окраине Паломареса. Если бы от удара пришел в действие электрический запал боеголовки, обеспечивающий одновременный подрыв окружающих ее тротильных шашек, суммарная мощность взрыва составила бы примерно 1.250 бомб, сброшенных на Хиросиму. Однако, тротил сдетонировал самостоятельно, без электрозапала, и, как следствие, неравномерно: в результате вместо того, чтобы сжать плутониевую начинку бомбы до критической массы, он «всего лишь» выбросил ее в атмосферу плотным облаком пыли чудовищной радиоактивности. По официальным данным в результате инцидента радиоактивному заражению различной степени интенсивности подверглось около 230 гектаров почвы, часть из которой использовалась под пашню. Жертв среди гражданского населения зафиксировано не было.

Иванов обратился к главному радиологу Уральского филиала Академии Наук СССР Левашову с тем, чтобы провести исследование одежды и отдельных органов погибших на «заражение». Причем для сравнения брались одежда и внутренние органы людей, погибших в автомобильных катастрофах или умерших естественной смертью. Результаты оказались удивительными: коричневатый свитер одного туриста, имевшего телесные повреждения, давал 9900 распадов в минуту, а после промывки образца — 5200 распадов, эти данные говорили о наличии радиоактивной «грязи», которая отмывалась. Поскольку до обнаружения этих тел они усиленно обмывались талой водой ручья под снегом, Иванов посчитал, что радиационная «грязь» в момент гибели туриста была во много раз больше.

Еще раньше были допрошены очевидцы загадочного явления. Далее приводятся цитаты из допросов и документов.

Листы дела 211 – 212. Из протокола допроса свидетеля 7-8 апреля 1959 Атманани Георгия Владимировича, 1934 г.р., поисковик.

«17 февраля я и Владимир Шевкунов встали в 6.00 утра, чтобы приготовить завтрак на группу. Распалив костер и сделал все необходимое стали ждать, когда пища будет готова. Небо было пасмурное, туч и облаков не было, но была легкая дымка, которая обычно с восходом солнца рассеивается. Сидя лицом к северу и случайно повернув голову на восток увидел, что на небе разлилось молочно-белое размытое пятно размером примерно 5-6 лунных диаметров и состоящее их ряда концентрических окружностей... С того момента, как мы заметили это явление прошло 1-2 минуты, сколько оно длилось до этого и как выглядело первоначально не знаю. В этот момент в самом центре этого пятна встухнула звездочка, которая несколько секунд оставалась прежних размеров, а затем начала резко увеличиваться в размерах и стремительно двигаться в западном направлении. В течение нескольких секунд она выросла до размеров луны, а затем, разорвав дымовую завесу или облака, предстала громадным огненным диском молочно-голубого цвета размером в 2-2,5 лунных диаметра, окруженным все теми же кольцами бледного цвета. Затем оставаясь тех же размеров шар начал клекнуть пока не слился с окружающим его ореолом, который в свою очередь расплылся по небу и потух».

Лист дела 227. Техник-метеоролог Токарева:

«17 февраля в 6 часов 50 мин. на небе появилось необыкновенное явление - движущаяся звезда с хвостом. Хвост напоминал плотные перистые облака. Потом эта звезда освободилась от хвоста, стала еще ярче и летела, постепенно раздуваясь, образовывая большой шар, окутанный дымкой. Затем внутри этого шара загорелась звезда, из которой сначала образовался маленький шар, не такой яркий. Большой шар стал постепенно опускаться, стал как размытое пятно. В 7.05 исчез совсем. Двигался с юга на северо-восток».

Лист дела 260. «Проданову, Вишневному, 31.03.59 г. 9.30 местного времени.

04 00 в юго-восточном направлении дневальный Мецераков заметил большое огненное кольцо, которое в течение 20 минут двигалось на нас, скрывшись затем за высотой 880. Перед тем как скрыться за горизонтом из центра кольца появилась звезда, которая постепенно увеличивалась до размера луны, стала падать вниз отделяясь от кольца. Необычное явление наблюдал весь личный состав, поднятый по тревоге. Просим объяснить это явление и его безопасность, так как в наших условиях это производит тревожное впечатление».

Авенбург. Потапов. Согрин.

Лист дела 264. Протокол допроса свидетеля 7 апреля 1959 г. Савкина Александра Дмитриевича, 1926 г.р., военнослужащий, В/ч 6602 «В».

«17 февраля 1959 года в 6 часов 40 минут утром находясь при исполнении служебных обязанностей с южной стороны показался шар ярко-белого света, который периодически окутывался белым густым туманом внутри этого облака находилась ярко-светящаяся точка размером со звездочку. Двигаясь в сторону северного направления шар был виден в течение 8-10 минут».

* Идентичными были показания сослуживцев Савкина, военнослужащих в/ч 6602 «В» Игоря Малика и Александра Новикова.

Сознание прокурора раздвоилось в результате бесшумного пролета огня в небе в сторону северных вершин Уральских гор. Оба эти предчувствия непостижимым образом навсегда сложились вместе: атмосферное золотое свечение и радиационный коричневый треск. Когда он доложил второму секретарю Свердловского обкома партии А. Ф. Ештокину, курирующему следствие, о своих находках — огненных шарах, радиоактивности, тот дал совершенно категорическое указание: абсолютно все засекретить, опечатать, сдать в спецчасть и забыть об этом. Ведь совсем незадолго до этого произошел радиоактивный «выхлоп» в Кыштыме, и в районе велись активные масштабные дезактивационные работы, о которых тоже умалчивалось. Это всё было цепочкой из фактов великого равнодушия власти, всегда единичной, к судьбам, жизни и смерти людей, простодушных, мужественных и терпеливых.

Спустя тридцать лет, в апреле 1990-го года, в квартире Льва Никитича зазвонил телефон. Собеседник на том конце провода — корреспондент газеты «Уральский рабочий» Станислав Богомолов — просил разрешения прилететь из Свердловска, чтобы уточнить детали этого деликатного дела. Иванов дал согласие. Размышления над старыми материалами следствия полностью убедили его в причине гибели людей — неопознанный объект, хотя зашифровал его в конечном документе словами «действие непреодолимой силы». И полностью убедили в том, что прокурор-криминалист и тогда, в феврале-мае 1959 года, придерживался версии гибели студентов-туристов от воздействия неизвестного летающего объекта. На вопрос корреспондента Богомолова, изменил ли он за эти тридцать лет свой взгляд на причины гибели туристов, Иванов ответил, что изменил только взгляд на технику воздействия. Если раньше считал, что шар взорвался, выделив совершенно неизвестную нам, но радиоактивную энергию, то теперь уверен, что действие энергии из шара было избирательным, и направлено лишь на нескольких человек. Он проверил на радиацию объекты с местности, и они не показали радиоактивности, а вот внутренние органы, полостные исследования, давали значительный фон, что свидетельствовало о направленном радиоактивном наведении. Впечатление такое, что «давили достаточно широким лучом» и именно там, где были телесные повреждения внутреннего порядка.

Эта фантастическая история, которую прожил в двух мирах, в двух измерениях одновременно отчаявшийся следователь, не стала лучшим его расследованием, не заставила его самого поверить в ее реальность и понять то, что ускользало от всех. Для Иванова это дело так и осталось рядовым, и даже не об убийстве, а о несчастном случае. По результатам расследования председатель правления спортклуба Уральского Политехнического института Л.В. Гордо был с работы снят, в партийном порядке был наказан председатель городского союза добровольных спортивных обществ Курочкин. Он был виновен в том, что погибший туристический отряд был полудиким, переходя на заключительном этапе в стадию дикости.

Крокодил

- Зовите меня Саша! – сказал Золотарёв, этот с кавказской внешностью франт, и сверкнул фиксами из-под усов. Он был значительно, лет на пятнадцать, старше всех в группе. Узнав, что он инструктор Коуровской базы, а этот поход ему нужен для выполнения нормы мастера спорта по туризму, отряд легко принял его. Золотарёв очень торопился пройти маршрут и вернуться обратно. Говорил, что нужно съездить к старенькой маме на Кавказ.

...Вечером трудного дня, перед восхождением на гору Отортен, ужинали прямо в палатке. Густой белой поземкой ветер заволакивал хилый сырой лесок, снаружи чуть дымился костер на бревнах, нодья. А в палатке тепло, только гудит вьюга в обгорелой трубе походной печки, и пахнет людским дымком жилья. На снегу, под хвойной крышей нет лучше простой, доброй каши – жаркой, жирно заправленной тушенкой, что ложка стоит. Так размышлял Золотарёв.

Вот Коля Тибо, ест много, но не жадно. В глухой лесной стороне хорошо, когда есть такой парень - смешливый, смысленый, надежный. С таким не то что в огонь и в воду, можно с ним хоть стенгазету выпускать, хоть из походной фляги для здоровья, но не лишку. Все ребята – удивительный, молодой народ, хоть бы что им: глухая ночь, непроходимый, шершавый снег, кромки льда и тёмная вода. Золотарёв будто видел самого себя – станичного юнца, последнее семечко рода, тяжело бегущего по кочкам за проезжей цыганской кибиткой, на бортике которой вырезан заповедный знак удачи во всем. Потом сколько он геройствовал на Донском и Сталинградском фронтах, в Восточной Пруссии и Померании, нигде не покидал его тот цыганский фарт, и не зря, может быть, он наколот себе на руку памятку в виде древней руны.

Молодежь заговорила о валенках, нахваливают. А что ему те валенки, где их сушить в дырявой, смерзшейся палатке? Вот ботинки, хотя бы с починкой, да суконные портянки, тогда и речные полыньи ничем, и мороз не защежит.

Саша чутко дремлет у догорающей печки, скорчившись, сунув руки в рукава, плотно завязав на голове по пехотной привычке шапку-ушанку. Кедровый лапник жмет под ребра.

Просыпались на рассвете нехотя, зимнее солнце слепило, дым от костра неспешно растекался низко по земле. Позавтракали овсянкой из кружек, неохота мыть посуду. Нужно было перевесить и разложить продукты, что-то оставалось в лабазе до возвращения, небольшую часть брали с собой на Отортен. Пол дня убили на обустройство лабазы, потом опять кашеварили.

В палатке, уже пустой, с тяжело провисшими, влажными скатами, на собранных рюкзаках сидели Золотарёв и Коля Тибо. За время похода они сблизились, Коля чувствовал себя со старшим товарищем, как за каменной стеной, а Золотарёв, конечно, испытывал к парню что-то по-отечески доброе. Всё это у них так было – грузный морж на суше Золотарёв и Тибо – выскакивает, как еврашка из норки, в чудную стойку, вечно любопытный, беспокойный, с живой торопливой речью.

Сейчас Золотарёв припомнил, как трудился батальонным комсоргом, и решил развлечь ребят таким походным боевым листком. В дело пошел новогодний выпуск журнала «Крокодил», который он прихватил с собой, была там одна статья о старом понтонёре...

С заголовком заминки не вышло, боевой листок «Вечерний Отортен».

- Вот смотри, - говорил Золотарёв, - передовица должна быть обязательно. Как тут у нас?.. «Выполним и перевыполним»... «Программу семилетки досрочно»... «Повысим производительность труда в два раза»... Ага!

срисовывая из открытого журнала карикатуры, особенно похожими вышли лопухий Коля и чванливая Люда.

Тибо уже не сиделось в палатке, он вертелся, даже рожу соорудил, и наконец прыснул вон. Стенгазету дописывали все сообща на поляне, вспомнили и туристские сани Колеватова,

которые хороши лишь при езде в поезде, на машине и на лошади, а для перевозки груза по снегу не рекомендуются. Давно ставший объектом незлобивых шуток адюльтер Зины и Юры нашел отражение в новостях спорта: «Команда радиотехников в составе тов. Дорошенко и Колмогоровой установила новый мировой рекорд в соревнованиях по сборке печки 1 час 02 мин. 27,4 сек.». А тот факт, что в походе отряд порядком подоидчал, выразился в сравнении туристов с реликтовым гоминидом: «В последнее время в научных кругах идет оживленная дискуссия о существовании снежного человека. По последним данным, снежные люди обитают на Северном Урале, в районе горы Отортен».

Солнце незаметно перевалило за полдень. Палатка была свернута, рюкзаки уложены, крепления подогнаны. Предстоял тяжелый и сложный подъем к перевалу. Обмякший, сгорбившийся, Золотарёв сидел на кофре, подперев щеку кулаком, глядя на теряющуюся в снежном тумане вершину.

- Что ты бормочешь, Саша? – спросил Дорошенко, похожий на грустного дворового пса – в шапке с одним торчащим вбок и другим повисшим «ухом».

- Американец-союзник песню пел. Вот и

вспомнил.

Вниз по течению...

Далеко, далеко отсюда —
Туда смотрит моё сердце,
Там остались мои старики.

Requiem

Мы так жадно мечтали! Из городов, задыхающихся от людей,
Нас, изжаждавшихся, звал горизонт, обещая сотни путей.
Мы видели их, мы слышали их, пути на краю земли,
И вела нас Сила превыше земных, и иначе мы не могли.
Как олень убегает от стада прочь, не разбирая пути,
Уходили мы, веря, как дети, в то, что сумеем дойти.
Убывала еда, убегала вода, но жизнь убивала быстрее,
Мы ложились, и нас баюкала смерть, как баюкает ночь детей.

Здесь мы лежим: в барханах, в степях, в болотах среди гнилья,
Чтоб дорогу нашли по костям сыновья, как по вехам, шли сыновья!
По костям, как по вехам! Поля Земли удобрили мы для вас,
И взойдет посев, и настанет час - и настанет цветенья час!
По костям! Мы заждались у наших могил, у потерянных нами дорог
Властной поступи ваших хозяйских ног, грома тысяч сыновних сапог.
По костям, как по вехам! Засаеяли мир мы костями из края в край -
Так кому же еще, как не вам, сыновья, смертоносный снять урожай?

Р. Киплинг «Песня мёртвых»

Белый шум (соды)

Что же, собственно, до меня касается, то ведь я только доводил... до крайности то, что вы не осмеливались доводить до половины, да еще трусость свою принимали за благоразумие, и тем утешались, обманывая сами себя. Так что я, пожалуй, еще «живее» вас выхожу... Ведь мы даже не знаем, где живое-то живет и что оно такое и как называется?

Ф. Достоевский «Записки из подполья».

Белый шум – это равномерный шум без резких звуков и перепадов, например, шум воды, музыка лесного ручья глубоко под снегом. Раньше такой шум издавали ещё старые телевизоры, когда не были настроены на программу. Эту мучительную мелодию много лет воспроизводят участники самостоятельного интернет-расследования гибели группы Дятлова у подножия горы Хоолат-Сяхыл в феврале 1959 года. Сами себя они называют «дятловцами», почти постоянный набор объединяемых имен: П.Бартоломей и Г.Цыганкова, Ю.Кунцевич и А.Нечаев, В.Борзенков и Е.Буянов, О.Веденева и В.Кудрявцев, А.Кашкин и М.Пискарев, А.Ракитин и Г.Никишина, Г.Кизилов и О.Архипов, А.Косыкин и А.Алексеенков, Ю.Якимов и В.Якименко... Для большинства интернет-читателей это уже целостное направление, по крайней мере, по основному выделяемому признаку.

Что же это за признак? Все эти персонажи тяготеют к моделированию. Они охотно и часто формулируют версии трагедии, но на проверку оказывается, что эти мировоззренческие на вид модели – не предназначены для того, чтобы быть воплощенными в реальности. Всё это – пародии, причем у «дятловцев» объект пародии безмерно широк, как весь советский миф. Это сверхреальность, описываемая чудовищным новоязом и преодолеваемая только с помощью шоковой терапии.

Сцена для трагического действия, место, где находят своё воплощение их идеи и образы, оформлена не без двусмысленности: возвышенность, господствующая над устьем реки Лозьва, и стекающие вниз к притоку обледенелые следы-капельки. Овраг тонет в ночи, ветер сеет снежную стружку, каменные гряды, служащие настоящим дрекольем при спуске, фонарики, тёмное зеркальце ручья. Под сибирским кедром, в свете костра, древнейшего символа покоя и умиротворения, погибают, от не пойми чего, молодые люди.

Все сюжеты-версии из области научной фантастики, воображаемые ситуации, пугающие или желанные воображаемые события — все это ярко переживается в особом пространстве, специально созданном «дятловцами» для их воплощения. Другими словами, «перевал Дятлова» есть реальность, измененная с помощью воображения, когда одни аспекты преувеличены, а другие сведены к минимуму. Сход снежной лавины и инфразвук, нападение диких животных или беглых зека, жертвоприношение кровожадным духам манси и операция спецслужб по поставке радиоактивных образцов одежды, падение ракеты и пролёт мистического «огненного шара». Любой из этих

аспектов можно использовать и в повседневной жизни, но тогда это влечет за собой потерю контакта с реальностью или является симптомом такой потери контакта.

Основным средством осуществления этих мировоззренческих пародий является ирония, но ирония литературная, лингвистическая. Ироничность неотъемлема от событийной ткани в дятловедении, нередко саму ситуацию и создает. Ироническое отношение к расследованию задал с самого начала прокурор-криминалист Лев Иванов, записав в постановлении о прекращении уголовного дела: «...причиной гибели туристов явилась стихийная сила, преодолеть которую туристы были не в состоянии». И то обстоятельство, что действие развивается трагически, уже ничего не меняет. Иронический трагизм, трагическая ирония – это не игра слов, это принцип множественной, многослойной смерти туристов: три тени тянутся вверх по склону, четыре жмутся друг к другу в овраге, и два полуобнаженных тела под буколическим кедром, заметаемые порошей. И в качестве одного из этих слоев «дятловедение» вводит новое измерение – безжалостность, бесчеловечность как общественно пассивные эмоции. «Зачем вы меня опять унижаете?» – восклицает Александр Кашкин, эксплуатирующий в «дятловедении» амплуа Акакия Акакиевича, с которого кто-то постоянно снимает шинель, то есть изгоняют со всех тематических интернет-ресурсов. Хочет он того или нет, но в нем реализуются все девять несчастных жертв. Зачем, зачем нам всё это показали? А вот затем, чтобы вызвать несомненную и острую реакцию: омерзение, стыд, жалость, желание уйти.

Мир «дятловцев» принципиально катастрофичен, они выбрали себе людей, которым не на кого положиться, и ставят их в ситуации, где надеяться не на что. Грубо говоря, здесь доводится до логического конца основополагающий принцип материального мира: всякий материальный объект изначально обречен на разрушение и исчезновение. Жизнь трагична потому, что кончается смертью. Всё свершается внутри, а остальное – политический строй, социальные связи, быт – лишь производные и частности.

Не смотря ни на что, их версии с жуткими сюжетами и чудовищной фактурой легко и смешно читать. Действительно смешно, ибо, по словам Флобера, «комическое есть предел трагического». В книге А.Ракитина «Смерть, идущая по следу» в состав тургруппы входят несколько законспирированных сотрудников КГБ, которые под прикрытием похода должны на маршруте встретиться с агентами иностранной разведки, замаскированными под другую тургруппу, и провести «контролируемую поставку» радиоактивной одежды. Однако шпионы раскрывают связь группы с КГБ, либо, наоборот, сами допускают ошибку, позволяющую непосвященным членам группы заподозрить, что они не те, за кого себя выдают (неправильно употребили русскую идиому, обнаружили незнание общеизвестного для жителей СССР факта и т. п.). Решив устранить свидетелей, шпионы заставляют туристов раздеться на морозе и покинуть палатку, угрожая огнестрельным оружием, но не применяя его, чтобы смерть выглядела естественной. Потом, заметив свет костра у кедр в долине, агенты понимают, что туристы смогли самоорганизоваться для выживания, и решают их убить. Оставшиеся в живых к тому времени рассредоточились, и по мере их обнаружения для получения информации и для их ликвидации агентами применяются пытки и приёмы рукопашного боя — так объясняются тяжелейшие телесные повреждения, вырванный язык и отсутствующие глазные яблоки. Тела четверых туристов диверсанты сбрасывают в овраг с целью затруднить их обнаружение.

Когда версия впервые прозвучала в публичном интернет-пространстве, раздался всеобщий хохот. Сложно определить, предусматривал ли А.Ракитин такой эффект, но достиг его виртуозно. Столкнувшись с дисгармонией «расчеловеченного мира», все «дятловеды» приходят к подобному решению: победить внушающую страх

действительность путем создания отражений еще более нелепых, структур еще более бесчеловечно-разрушительных.

Ужас в человеческой культуре, как известно, имеет давнюю традицию, начиная с народных страшных сказок и кончая современными фильмами ужасов. Искусство страшного определяется как репетиция смерти. Читатель, зритель, слушатель вместе с авторами проигрывает ситуацию много страшнее, чем ему предстоит пережить, и как бы закаляется перед основным испытанием своей жизни. И, развивая эту мысль, можно видеть в эстетическом наслаждении ужасом, по сути, удовлетворение удачно проведенной репетицией. Не только смерть, любое несчастье, отрепетированное в версиях, вызывает тем сильнее катарсис, возвращая к жизни, чем страшнее, гармоничнее прошла репетиция страдания и страха.

И не случайно, поэтому, за «дятловедением» утвердилась репутация антиутопии. Жанр антиутопии обозначает не столько литературное явление, сколько нынешнюю жизнь – жизнь после краха всех иллюзий.

«Они нашли его: старого шамана души заложных покойников. Каждую ночь он видел их лица. Они смотрели ему в глаза: маленькие дети, женщины и мужчины, светловолосая, голубоглазая девочка, лет семи. Её украли вогулы и принесли к нему, а он принёс её в жертву своему идолу. Череды жертвоприношений людей не прекращалась и приобретала всё более уродливые формы на фоне деградации народа и его вождей. Кости жертв растаскивали звери, но если поискать, то можно найти их черепа: пустыми глазницами, чёрными колодцами тьмы, один из них смотрел на Бера, и вновь перед ним вставали живые картины возрождённых из пепла, божественных кровавых оргий.

Они нашли и тянули на берег мёртвых. Эта девочка... Он оставил её там, у кедров, ещё живой, но почти полностью обескровленной. Теперь пришла и его черед, и он цеплялся за жизнь скрюченными пальцами. Они приходили за ним и днём, когда светило яркое солнце. Иногда он проваливался в сон, а они тянули руки к его глазам, брали за руки:

- Пойдём с нами, Бер. Мы подарим тебе красивые игрушки: куклы из наших тел.

Нет! Это больше невозможно вынести. Его учили старцы, ему внушали духи - не оставлять своих следов, по которым его могли бы найти его жертвы. Он лишил их глаз, чтобы они не могли найти его и показать тропу другим. Он вырезал им языки, чтобы они не могли рассказать о нём.

Как же они нашли? Где он совершил ошибку, сделал неверный шаг? Всё, пора уходить, но куда? И в этом, и в том мире, его нашли и ждали.

Бер завернулся в медвежью шкуру и, не мигая, смотрел в огонь. Из огня в него смотрела маленькая девочка небесной синевы глазами. И он падал в голубую бездну холода». (Саша Ветер «Вогуль»).

Это уже что-то из нашего подсознания. Рассказы о перевале Дятлова как нельзя более приходятся к свихнувшемуся времени.

Со страниц газет и форумов, с телеэкранов, с одной стороны, вываливается на читателя такой винегрет образов – фактов, наблюдений, мыслей, а с другой – почти сразу же рождают ощущение такой цельности и единства, что поневоле задумаешься, а чем, собственно, всё это держится? Прежде всего – это самое очевидное – психотипами исследователей. Самоидентификация «дятловедов» со своими героями на самом деле представляет собой различие знакомых мелодий. А поскольку нет ничего более странного, чем жизнь, любая жизнь, биографии и судьбы дятловцев, странные поступки на грани смерти, их мотивы – в тонкой оркестровке – очень созвучны этому шепоту безумия, сопровождающему человека всю жизнь.

«Дятловедение» лишь кажется монологичным, на самом деле оно по-настоящему полифонично. И откуда взяться в этой истории какой бы то ни было однозначной оценке, если взаимное проникновение сознаний растворено в самой структуре трагедии? Оно-то и создает неприметную антитезу той разорванности и тому болезненному надлому, без которых не обходится ни одна версия.

Для «дятловедов» объектом приложения исследовательских усилий является «искаженная действительность», для них чудовищные случаи из жизни – это всё же норма, поэтому они прехладнокровно воспроизводят такое, что у читателей волосы на голове встают дыбом. Здесь уже достаточно крошечного сдвига, чтобы мир вывернулся наизнанку, ибо количество раздавленных рёбер, потрескавшихся черепов, вырванных языков и разложившихся трупов рано или поздно переходит в иное качество жизни.

Разумеется, не все писатели, биографически связанные со скорбно-бесчувственным XX веком, столь реактивны. «...Две девушки трогательно прощаются с Юрием Юдиным. Никто из них не знает в этот момент, что навсегда. Больше не будет прикосновений, дружеских объятий девушек ни на одном снимке в этом походе. Своим уходом Ю.Юдин демонстрирует всем нам, что уходит приязнь, близость, близкая зависимость, чувственность. Вероятно в нём было нечто такое, с чем девушки расстаются искренне с сожалением, и это не похоже на бракоразводный процесс, где супруги уходят чаще всего с облегчением. Обнявшись напоследок, Ю.Юдин уходит и уносит с собой, сохранив на всю свою жизнь, частичку энерго-информационного женского начала Колмогоровой и Дубининой, так и не дав им ничего взамен, не предупредив, не обеспечив защиты, что подчёркивает случайный характер гибели группы. Но даже сейчас, когда я смотрю на два этих снимка, меня не оставляет ощущение, что они предупреждают об опасности, нависшей над девушками. Особенно снимок расставания с Колмогоровой - её пронзительный, материнский (в смысле, молодой женщины) и прощальный (недосказанность) жест рукой в варежке. И хотя я уже знаю, что со всеми произошло, мне хотелось бы найти доказательства будущего на этих снимках - непосильная задача уловить сверхъестественную тенденцию, когда пребываемы внутри, но когда видишь общую картину, то почему нет... Но самое удивительное, что читается между строк, так это нежность, с которой они обе прощаются с ним» (В.Кудрявцев «Сверхъестественное»).

Зачем-то такие знаки сострадания нужны. Самое легкое – объяснить это тем, что так создается тот контрастный фон, на котором отчетливее проступают дикость, безумие и энтропия обыденности смерти, в которую «дятловеды» постоянно всматриваются. Эти стилистические сдвиги – своего рода метафизические сквозняки. На наших глазах предельно конкретная и потому всецело частная ситуация вдруг развоплощается, попадая на краткий миг в координаты вечности, - и оборачивается притчей, точнее, притча проглядывает сквозь конкретную ситуацию изнутри. Так мы думаем, оглушенные тишиной, ослепленные белым шумом.

Мучительная музыка искореженного смысла связывает распавшиеся от беспомысленности звенья времен. Музыка и мука, два полюса земного существования, два края жизни. Нужно всё время держать в памяти обе предельные точки разом, чтобы различать в возвышенной гармонии фальшь заигранных клавиш, а в рутине земного – богоданную музыку бытия.